

ШАРЛОТТА ЛИНК

Die Täuschung
**ЛОЖЬ БЕЗ
СПАСЕНИЯ**

В мире продано более 30 миллионов экземпляров книг Шарлотты Линк

Annotation

Романы Шарлотты Линк регулярно занимают первые места в списке бестселлеров еженедельника «Шпигель», главного СМИ Германии и Евросоюза, а общее число проданных книг превысило 30 миллионов.

На Лазурном Берегу Франции бесследно исчезает Петер Симон, известный всем, кто его знал, как успешный бизнесмен, любящий муж и заботливый отец. Его молодая жена Лаура предпринимает отчаянные попытки разыскать горячо любимого супруга. Но обнаруживается страшная правда, в одночасье обрушившая все иллюзии тихого семейного счастья. Ее муж — этот лжец и изменник — оказался вовсе не тем, за кого так успешно себя выдавал долгое время. И теперь это внезапно открывшееся знание грозит ей смертельной опасностью...

Шарлотта Линк

Ложь без спасения

Charlotte Link
Die Täuschung

© 2002, 2009 by Blanvalet Verlag, München a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany

© Ирма Франк, перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Сообщение из газеты «Берлинер моргенпост» от 15 сентября 1999 года

Страшная находка в съемной квартире в берлинском округе Целендорф

Ужасная картина предстала вчера перед глазами пенсионерки, которая упросила завхоза жилого комплекса в Целендорфе открыть запасным ключом квартиру ее многолетней подруги Хильды Р.

Эта одинокая 64-летняя дама не давала о себе знать уже несколько недель, не отвечая на звонки родственников и знакомых. И вот теперь женщину обнаружили в ее собственной гостиной. Она была задушена тросом, а одежда на ней была изрезана ножом, однако сексуальных мотивов в этом преступлении, очевидно, нет.

По сообщению полиции, нет и улик, указывающих на ограбление. Следов взлома не обнаружено, поэтому предполагается, что пожилая дама сама открыла дверь убийце.

Вскрытие показало, что труп, вероятно, находится в квартире с конца августа. Об убийце ничего неизвестно.

Она не знала, что именно ее разбудило. То ли какой-то шорох, то ли кошмарный сон, то ли мысли, которые со вчерашнего вечера все еще кружились у нее в голове. Ложась спать, она обычно прихватывала с собой все свои раздумья, тревоги и мрачные чувства и порой просыпалась от того, что по щекам у нее текли слезы.

Но не на этот раз. Сейчас ее глаза были сухими. Она отправилась спать около одиннадцати вечера и заснула с большим трудом. Слишком много всего крутилось у нее в голове: она чувствовала себя подавленной и вновь проваливалась в знакомое чувство страха перед будущим, от которого, как ей какое-то время казалось, смогла избавиться. Теперь же чувство, будто ее загнали в угол и угрожают, разрасталось в душе все больше. Обычно этот дом у моря внушал ей чувство свободы, и ей даже становилось легче дышать. Еще никогда, находясь здесь, она не хотела вернуться в свою элегантную, но всегда несколько мрачную парижскую городскую квартиру. Однако сейчас впервые обрадовалась тому, что лето закончилось.

Это была пятница 28 сентября. На следующий день они с Бернадетт сорвутся отсюда и отправятся домой в Париж.

При мысли о маленькой дочери женщина испуганно подскочила в постели. Может быть, Бернадетт звала ее или громко разговаривала во сне... Сновидения у малышки были очень яркими и бурными, она часто просыпалась и звала маму. А та часто спрашивала себя, нормально ли это для четырехлетнего ребенка, или же она слишком обременяла дочку своими затяжными депрессиями. Конечно же, из-за этого ее мучило чувство вины, но она была не в состоянии изменить происходящее. Все ограничивалось временными попытками вытащить себя из душевного болота длительных копаний в себе и чувства потерянности, но ей еще никогда не удавалось добиться в этом успеха.

Кроме как в прошлом году... прошлым летом... Женщина взглянула на стоявшие у ее кровати электронные часы, циферблат которых светился в темноте ярко-зеленым светом. Было около полуночи, значит, заснула она лишь на короткое время. Она вновь прислушалась. Ничего не было слышно. Когда Бернадетт звала мать, ее голосок обычно звучал не умолкая. Но мать все равно решила встать и посмотреть, как там ее ребенок.

Она опустила ноги на каменный пол и поднялась.

Как всегда с тех пор, как умер Жак, она надевала на ночь лишь растянутые хлопчатобумажные пижамные штаны и выцветшую футболку. Раньше, особенно в теплые провансальские ночи, она с удовольствием носила нежные шелковые negligé с глубоким вырезом, чаще всего цвета слоновой кости, на фоне которых особенно привлекательно смотрелись ее всегда загорелая кожа и черные смоляные волосы. Но с этим она покончила, когда Жак попал в больницу и началось его поэтапное движение к смерти. Его выписали как выздоровевшего, он вернулся к ней, и они зачали Бернадетт, а затем наступил рецидив, болезнь стала развиваться стремительно, и на этот раз Жак уже не покинул больницу. Он умер в мае. А в июне родилась Бернадетт.

В комнате было тепло. Обе оконные створки были широко раскрыты: женщина закрыла только деревянные ставни. Через щели проглядывала более ясная чернота звездного неба. Стоял тот расслабляющий, одуряющий запах, какой бывает после того, как днем палящее летнее солнце нагреет землю.

Сентябрь был таким прекрасным, что захватывало дух, хотя она и без того больше всего любила бывать здесь осенью. Порой она спрашивала себя, почему так настойчиво каждый год в начале октября уезжала в Париж, хотя у нее не было там никаких неотложных дел. Возможно, ей нужны были эти жесткие рамки, эта четко обозначенная структура года, чтобы не запутаться окончательно в своих ощущениях, которые и так уже были далеки от реальности. Ведь все остальные возвращались в город самое позднее в октябре. Может быть, она хотела принадлежать к их числу, несмотря на то что, будучи в мрачном настроении, часто горько осуждала себя за эту фальшивую самоуверенность...

Она вышла в коридор, но свет включать не стала. — Если Бернадетт спит, не стоит ее будить. Дверь в детскую — была лишь прикрыта, и женщина осторожно прислушалась к звукам в комнате. Ребенок дышал глубоко и — ровно.

«Меня, во всяком случае, не *она* разбудила», — подумала мать, в нерешительности остановившись в коридоре. Она не могла понять, что так взволновало ее подсознание. Ведь она так часто просыпалась по ночам и скорее могла бы назвать исключением те ночи, когда этого не случалось. Чаще всего она не знала, что именно ее испугнуло. Почему же на этот раз она была так взволнована?

Глубоко в ней притаился страх. Страх, от которого по телу побежали мурашки и каким-то особым образом обострились все чувства. Казалось, что она чужая всем своим существом какую-то притаившуюся в темноте опасность. Словно она была зверем, ощутившим приближение другого зверя, который мог быть опасен.

Не впадай в истерику, призвала она сама себя.

Ничего не было слышно. Но она все равно знала, что в доме присутствует кто-то еще, кто-то, кроме нее и ребенка, и этот кто-то — ее злейший враг. Ей пришла в голову мысль о том, что дом стоит вдалеке от других, и она осознала, насколько одиноки они были здесь вдвоем. Никто не услышит их, если они закричат; никто не заметит, если здесь произойдет что-то необычное.

Никто не сможет проникнуть в дом, сказала женщина самой себе, ставни везде закрыты. А попытка распилить стальные крюки приведет к ужасному шуму. Дверные замки отлично работают, и попытка открыть их не может не вызвать шума. Но, может быть, кто-то есть *снаружи*...

Она могла себе представить только одного человека, который мог бы по ночам украдкой ходить вокруг ее дома, и от этой мысли ей стало почти дурно.

Да нет, он этого не сделает. Он навязчивый, но не больной. И в этот момент ей стало ясно, что этот человек *как раз такой*. Больной. Именно его невменяемое поведение заставило ее расстаться с ним. Именно оно было ей неприятно и вызвало в ней постепенно растущую, инстинктивную антипатию, которую она все это время никак не могла себе объяснить. Он был таким милым. Он был внимательным. В нем не к чему было придираться. Это было безрассудством — не желать его.

Нет, *не желать его* — было инстинктом *выжить*.

«Хорошо, — сказала она себе и попыталась сделать глубокий вдох, как ей советовал ее лечащий врач в первое ужасное время после смерти Жака. — Хорошо, может быть, это он там, снаружи. Но во всяком случае он не может войти сюда. Я могу сейчас спокойно лечь в постель и спать. А если завтра выяснится, что он был здесь, я натравлю на него полицию. Я добьюсь судебного распоряжения о том, чтобы он не имел права появляться на моем земельном участке. Я уеду в Париж. А *если* я надумаю провести здесь Рождество, то к тому

времени все может измениться».

И она решительно вернулась в свою комнату. Но и после того, как легла в постель, ее нервозность, от которой ее трясло, так и не прошла. Волоски на ее коже все еще топорщились, а кроме того, теперь ее знобило, хотя в комнате наверняка было градусов двадцать тепла. Женщина натянула одеяло до подбородка, но ее бросило в такой жар, что стало тяжело дышать. Она была на грани приступа паники, приближение которого у нее обычно сопровождалось быстрой сменой состояния жара и озноба. В тот период, когда умер Жак, да и позже, у нее часто бывали такие приступы. Но в последний год они не возникали. И вот впервые за этот год она вновь почувствовала знакомые симптомы...

Она продолжила дыхательные упражнения, которые начала еще там, в коридоре. Внешне она теперь казалась более спокойной, но внутри у нее пылала красная сигнальная лампочка, от которой перепуганная женщина застыла в крайнем напряжении. Ее не покидало чувство, что она вовсе не стала жертвой истерии, что ее подсознание реагирует на близкую опасность и бесперебойно сигнализирует ей быть настороже. В то же время ее разум отказывался допускать подобные мысли. Жак всегда говорил ей, что это чушь — верить в такие вещи, как предчувствия, внутренний голос и тому подобное.

«Я верю только в то, что вижу, — часто говорил он, — и признаю только то, что можно доказать».

«А я в данный момент нахожусь на грани того, чтобы свихнуться», — подумала женщина.

В это мгновение она услышала какой-то звук, и было совершенно ясно, что это ей не почудилось. Этот звук был ей хорошо знаком: легкое дребезжание, издаваемое, когда ее отворяли, стеклянной дверью, отделяющей спальни от остальных комнат. Она сотни раз ежедневно слышала его, когда жила здесь, слышала, когда сама проходила через эту дверь или когда Бернадетт бегала туда-сюда.

Это значило, что кто-то был здесь, внутри дома, а никак не крался снаружи.

Он находился в доме.

Женщина одним прыжком вскочила с кровати.

«Проклятие, Жак!» — подумала она, не обратив внимания на то, что впервые допустила критические мысли по отношению к своему умершему мужу, да еще и в форме ругательства.

Она могла бы обезопасить себя, закрывшись в своей спальне, но в соседней комнате спала Бернадетт — не могла же мать запереться без своего ребенка? Она застонала от мысли, что, когда ее инстинкт, тонкий, как у сторожевой собаки, разбудил ее и повел в соседнюю комнату, у нее был шанс схватить Бернадетт и найти спасение в этой спальне. Но она упустила свой шанс. Если *он* уже находится по эту сторону стеклянной двери, то их разделяет всего несколько шагов. Женщина, как загипнотизированная, уставилась на дверь комнаты. Теперь она уже могла расслышать в этой мертвой тишине тихие шаги в коридоре.

Ручка двери медленно опустилась вниз.

Она могла почуять запах своего страха. Она никогда раньше не знала, что этот запах такой едкий.

Теперь ее трясло от холода, и казалось, что она совсем не дышит.

Когда дверь открылась и на пороге появилась тень крупного мужчины, женщина поняла, что умрет. Она была так же уверена в этом, как незадолго до этого была уверена, что в доме кто-то есть.

Какое-то мгновение они стояли неподвижно друг против друга. Был ли он удивлен, что застал ее стоящей посреди комнаты, а не спящей в кровати?

Ей пришел конец. Она ринулась к окну. Ее пальцы дергали за крючок деревянных ставен. Ее ногти обломились, она ободрала всю руку, но не замечала этого.

От страха ее вырвало в окно, когда он вплотную подошел к ней сзади и с силой схватил ее за волосы. Он так сильно запрокинул ее голову назад, что она увидела его глаза. Они были ледяными. Ее шея была обнажена, и веревка, которую он набросил на нее, ободрала кожу.

Умирая, она молилась за своего ребенка.

Немного не доезжая до Нотр-Дам-де-Боригар, он вдруг заметил на автостраде собаку. Маленькую собачку с бело-коричневыми пятнами, круглой головой и забавно разлетающимися висящими ушами. До этого момента он ее не видел и не мог сказать, давно ли она там находится. Возможно, она уже топала какое-то время по обочине вдоль проезжей части, прежде чем пуститься в этот самоубийственный поход на другую сторону автострады. «О боже! — подумал он. — Сейчас она погибнет!» Машины летели со скоростью сто тридцать километров в час по трехполосной трассе, и у собаки почти не было шансов пройти невредимой между полосами.

«Я не хочу видеть, как ее сейчас раздавят в лепешку», — подумал он, и от вспыхнувшего страха у него на голове зашевелились волосы.

Со всех сторон тормозили машины. Все они ехали слишком быстро и не могли остановиться, но снижали скорость и пытались вывернуть на другую полосу. Некоторые сигналили. А собака продолжала идти дальше с высоко поднятой головой. Все это было на грани чуда. А возможно, это и было чудом — то, что она, не пострадав, дошла до средней полосы.

Слава богу! Ей удалось уцелеть. Во всяком случае, пока.

Мужчина почувствовал, что весь вспотел, что его футболка под шерстяным свитером прилипла к телу. Он внезапно почувствовал сильную слабость и, подъехав к правой обочине, остановил машину на запасной полосе. Перед ним возвышалась — сегодня очень мрачная, как ему показалось, — скала, на которой Нотр-Дам врезался в серое небо своей узкой остроконечной церковной башней. Почему небо сегодня не было голубым? Он только проехал съезд на Сен-Реми, оставалось совсем немного до побережья Средиземного моря. Этот пасмурный октябрьский день мог бы уже принять и более южную окраску...

Ему опять вспомнилась собачонка. Он вышел из машины и пристально посмотрел назад. Собаки нигде не было видно, ни живой, ни раздавленной — ни на средней полосе, ни на какой-либо другой. Удалось ли ей пересечь автостраду еще и в обратную сторону?

Либо у кого-то есть ангел-хранитель, либо его нет. Если он есть, то случившееся чудо — и не чудо вовсе, а лишь логическая последовательность. Собачка небось сейчас радостно бежит трусцой по полям. А о том, что, скорее всего, могла погибнуть, она все равно никогда не узнает.

Машины проносились мимо него. Он знал, что стоять здесь небезопасно, так что снова сел в машину, закурил сигарету, достал свой мобильник и на мгновение задумался. Позвонить Лауре уже сейчас? Они договорились, что он позвонит ей с «их» автостоянки, с того места, откуда впервые открывается вид на Средиземное море. В итоге он набрал номер своей матери и несколько минут терпеливо ждал. Старой даме всегда требовалось какое-то время, чтобы добраться до телефона. А затем она откликнулась своим хриплым голосом: «Да?»

— Это я, мама, — сказал мужчина. — Я просто хотел позвонить.

— Хорошо. Я давно от тебя ничего не слышала. — Эти слова прозвучали с упреком. —

Где ты пропадаешь?

— Я на автозаправке на юге Франции. — Его мать утешило бы сообщение о том, что он стоит на обочине автострады и что у него подкосились ноги из-за собачонки, которая на его глазах едва избежала смерти.

— Лаура с тобой?

— Нет, я один. Я встречу с Кристофером, чтобы погонять на паруснике. А через неделю поеду обратно домой.

— Разве в это время года такое не опасно? Я имею в виду, ходить под парусом.

— Совсем не опасно. Мы ведь каждый год этим занимаемся. Еще ни разу ничего не случилось. — Он произнес это подчеркнуто легким тоном, который показался ему самому совершенно неестественным. Лаура бы сейчас сразу стала спрашивать: «Что-то не так? Что-то не в порядке? У тебя такой странный голос!»

Но его мать ничего бы не заметила, даже если б он лежал при смерти. Для нее было обычным делом задавать озабоченные вопросы вроде того, что она задала сейчас: не опасно ли в это время года ходить под парусом. Возможно, ее действительно это волнует. Но иногда у ее сына возникали подозрения, что она задавала подобные вопросы в дежурном порядке и что ее уже не интересовали ответы на них.

— Звонила Бритта, — сказала она.

Мужчина вздохнул. Если его бывшая жена выходила на контакт с его матерью, это никогда не предвещало ничего хорошего.

— Что она хотела?

— Пожаловаться. Ты опять какую-то сумму не перечислил, а ей якобы со всех сторон не хватает денег.

— Пусть она об этом сама мне скажет. Незачем ей прятаться за твоей спиной.

— Она утверждает, что ты постоянно просишь сказать, что тебя нет, если она звонит в офис. А дома... Бритта говорит, что особо не горит желанием постоянно нарываться на Лауру.

Он уже пожалел, что позвонил своей матери. Каждый раз, когда он это делал, почему-то всегда выходили сплошные неприятности.

— Я не могу больше говорить, мама, — поспешно сказал он. — У моего мобильного заряд на исходе. Обнимаю тебя.

«Зачем я это сказал? — размышлял он в следующий миг. — Зачем это дурацкое “обнимаю тебя”? Обычно мы друг с другом так не разговариваем».

С некоторым усилием ему удалось вновь встроиться в поток машин с запасной полосы.

Он не очень спешил: ехал со скоростью сто двадцать километров в час, не увеличивая и не снижая ее. Интересно, мать тоже задумалась над его последней фразой, которая для нее должна была звучать необычно?

Нет, не задумалась, решил он. Последняя фраза, вероятно, пролетела мимо нее так же, как и все, что касалось других людей и тщательно ею отфильтровывалось.

Он поймал радиоволну и включил музыку на полную громкость. Такой грохочущей музыкой он мог приводить себя в одурманенное состояние, как другие это делали с помощью алкоголя.

И неважно было, что он слушал. Главное, чтобы достаточно громко.

Около шести часов вечера он добрался до автостоянки, откуда хотел позвонить Лауре. Когда они вместе ездили на юг Франции, то всегда останавливались на этом месте,

выходили из машины и наслаждались видом бухты Кассис с обрамляющими ее в форме полумесяца, плавно поднимающимися вверх по горным склонам виноградниками и круто возвышающимися скалами над бухтой. А если он ездил сюда один — на ежегодные встречи с Кристофером, чтобы погонять на паруснике, он звонил Лауре с этого места. Это входило в число множества безмолвных соглашений между ними. Лаура любила ритуалы, любила отмечать незабываемые моменты в их отношениях. Сам он не очень тяготел к этому, но и ее пристрастие к подобным вещам не особо его обременяло, как ему казалось.

Он стал подниматься к автостоянке по извилистой вытянутой дороге. Это место ничем не походило на обычные парковки вдоль автострад. Оно напоминало скорее пригород для туристов, своего рода огромную террасу для пикников, с каменными сиденьями, усыпанными гравием дорожками и тенистыми деревьями. Вид оттуда был захватывающим.

Обычно мужчину потрясала синева неба и синева моря. Но сегодня тучи уже не рассеются. Над морем нависало серое, мглистое небо. Стояла мрачная, свинцовая тишина. В воздухе пахло дождем. Безотрадный день, подумал он, когда припарковал машину и заглушил мотор.

Недалеко от него сидел в белом «Рено» еще один одинокий мужчина — сидел, уставившись перед собой отсутствующим взглядом. Пожилая супружеская пара заняла место за шестиугольным столом, поставив перед собой термос, из которого они по очереди пили. Из микроавтобуса высыпало семейство: родители, бабушка с дедушкой и огромная толпа детей всех возрастов. Дед и бабушка несли коробки с пиццей, родители тащили корзины с бутылками вина и сока.

«Какая идиллия! — подумал он. — Теплый октябрьский вечер, пикник в местечке с великолепным видом... Часа два они еще смогут посидеть здесь, а потом стемнеет и станет холодно. Они снова все исчезнут в этом микроавтобусе и отправятся домой, а потом, сытые и счастливые, свалятся в свои кровати».

Сам он, собственно, никогда не хотел иметь детей — будь то его сын от первого брака или двухлетняя дочь от Лауры. Оба они появились на свет по неосторожности, но иногда он размышлял, каково это — быть членом большой семьи. Это вовсе не казалось ему благом: такая жизнь означала вечное стояние в очереди перед ванной, невозможность отыскать нужные тебе вещи, потому что кто-то другой без разрешения «одолжил» их, много шума, беспорядка, грязи и — хаоса. Но, возможно, в таких семьях было ощущение тепла, чувства защищенности и поддержки. Там оставалось мало места для одиночества и страха перед бессмысленностью.

Он во второй раз набрал номер на своем мобильнике. Ему не пришлось долго ждать: Лаура тут же ответила. Она явно ждала его звонка в это время и находилась рядом с телефоном.

— Привет! — Ее голос звучал радостно. — Ты на Па-д'Уйе!

— Верно! — Он старался перенять ее радостный, беззаботный тон. — У моих ног лежит Средиземное море.

— Поблескивая под лучами заходящего солнца?

— Скорее нет. Очень облачно. Думаю, сегодня вечером еще и дождь пойдет.

— О! Но это может быстро измениться.

— Конечно. Это меня и беспокоит. В любом случае солнце и ветер были бы для нас с Кристофером лучше — всего.

Лаура была более чуткой, чем его мать. Она почувствовала, насколько он был напряжен.

— Что случилось? — спросила она. — Твой голос так странно звучит...

— Я устал. Девять часов за рулем — не пустяк.

— Тебе обязательно нужно сейчас отдохнуть. Ты сегодня вечером встречаешься с Кристофером?

— Нет. Я хочу пораньше лечь спать.

— Привет нашему домику!

— Конечно. Без тебя в нем будет очень пусто.

— Ты едва заметишь это от усталости. — Лаура засмеялась.

Он любил ее смех — свежий, естественный и, казалось, исходящий из самой глубины ее души. Точно так же, из глубины, шла и ее боль, когда она о чем-то тревожилась. Чувства у этой женщины никогда не были наигранными или вымученными. Она была самым искренним человеком, которого он знал.

— Возможно. Я буду спать, как медведь, — сказал он, глядя на бегущие по серой воде волны. Его вновь начало медленно и угрожающе наполнять чувство отчаяния.

«Мне надо уйти с этого места, — подумал он. — От воспоминаний. И от этой большой счастливой семьи с коробками пиццы, с их смехом и беспечностью».

— Я еще где-нибудь перекушу, — сказал он вслух.

— Где-нибудь? Ты ведь наверняка пойдешь к Надин и Анри?

— Это хорошая идея. Вкусная пицца, приготовленная Анри, была бы сейчас очень кстати.

— Ты еще позвонишь?

— Когда окажусь в доме, — пообещал он. — Я позвоню тебе перед тем, как пойду спать. Хорошо?

— Хорошо. Я буду рада. — Он мог почувствовать улыбку Лауры через телефон даже на расстоянии в тысячу километров. — Я люблю тебя, — тихо сказала она.

— Я тоже тебя люблю.

Закончив разговор, он положил свой мобильник на пассажирское сиденье рядом с собой. Семейство с пиццами здорово шумело — даже через закрытые окна автомобиля долетали обрывки их разговоров и смех. Он вновь завел машину и медленно покатился прочь с автостоянки.

Начало быстро смеркаться, но ждать дальше не было смысла: заката солнца над морем уже точно не будет.

Когда в четверть одиннадцатого от Петера все еще не было звонка, Лаура, поколебавшись какое-то время, сама набрала номер его мобильного. Он мог реагировать с большим раздражением, если она не придерживалась договоренности, — а в данном случае была договоренность, что именно он позвонит ей во второй раз. Однако ей было немного беспокойно, и она не могла представить себе, чтобы он так долго ужинал.

Четыре часа назад его голос был очень уставшим и разбитым: она редко заставляла его в таком состоянии.

Петер не отвечал, а после шестого гудка включился его автоответчик: «Оставьте, пожалуйста, свое сообщение, я перезвоню вам позже...»

Ей так хотелось сказать ему что-нибудь, сообщить ему о своем беспокойстве, своей любви, своей тоске, но она не стала делать этого, чтобы он не чувствовал себя так, будто она на него давит. Может быть, он заговорился с Надин и Анри и не услышал свой мобильник, или у него не было желания прерывать разговор, или он вообще забыл свой телефон в машине...

«Если я сейчас позвоню Анри, то Петер посчитает, что я его контролирую, а если я позвоню в наш дом, где он, возможно, уже спит, то разбужу его», — думала Лаура.

Петер часто говорил ей: «Порой тебе следовало бы оставить вещи такими, какие они есть. Все как-нибудь само разрешится и без твоего вмешательства, без того, чтобы сводить с ума все твое окружение».

Но она все равно еще какое-то мгновение осталась стоять у телефона, размышляя, не позвонить ли ей Кристоферу. Петер сказал, что сегодня вечером уже не пойдет к нему, но, может быть, он изменил свое решение.

«Я имею полное право позвонить», — упрямо подумала женщина.

Кристофер поймет ее переживания. Он не найдет в этом ничего дурного. Но тем не менее Петер станет потом утверждать, что она скомпрометировала его перед другом.

«Кристофер подумает, что я — как собака, которую держат на коротком поводке. “Ты никогда не поймешь сущность мужской дружбы, Лаура. Она требует определенной свободы”» — вот что он скажет.

«Я не думаю, что для Кристофера это проблема, — мысленно возразила она себе. — Он ничего не выскажет по этому поводу. Потому что он не вмешивается в чужие дела и вообще хороший парень. Но он сделает свои умозаключения, поверь мне».

«А ты приписываешь своему другу мысли и чувства, которые на самом деле — твои собственные», — парировала Лаура.

Она поднялась по лестнице и заглянула в комнату Софи. Малышка спала, ее дыхание было спокойным и ровным.

«Наверное, мне все-таки следовало тоже поехать, — задумалась женщина. — Провести вместе с Софи несколько солнечных октябрьских дней в доме, пока Петер будет плавать...»

Тогда ей не было бы так одиноко.

Но она никогда не сопровождала Петера, когда тот отправлялся на юг для участия в своих спортивных парусных гонках. И не удивительно: четыре года назад у них еще не было своего дома в Ла-Кадьере, и ей пришлось бы пойти в отель, а она не очень любила оставаться одна в гостиничном номере. Однажды — это было лет пять назад — у нее появилась идея остановиться у Надин с Анри, в принадлежавшей им уютной, но совершенно некомфортабельной гостевой комнате под крышей, которую они иногда сдавали. «У меня появилась бы возможность ближе познакомиться с ними, пока вы с Кристофером будете плавать», — сказала Лаура, когда ей в очередной раз показалось, что она не выдержит недельного расставания с Петером.

Но он был против.

«Я считаю, что это будет как-то неудобно, если мы вдруг в этот раз решим пожить у Надин с Анри. Ведь мы обычно не делаем этого, и они, может быть, подумают, что мы считаем их не совсем достойными, чтобы жить с ними под одной крышей, и обращаемся к ним только в экстренном случае».

С тех пор как они с Петером стали владельцами собственного дома, у них не должно было возникать проблем с жильем, но на намек Лауры, что она, возможно, сможет поехать с

ним, ее муж не отреагировал, а попытаться предложить ему это во второй раз она не захотела. Эта одна неделя в октябре принадлежала Петеру, и его наверняка обременило бы то обстоятельство, что рядом находятся жена с дочкой.

Лаура отправилась в спальню, разделась и аккуратно повесила свою одежду в шкаф, после чего накинула изношенную футболку, в которой обычно спала. Эту футболку Петер подарил ей в их первый совместный отпуск на юге Франции восемь лет назад. Тогда она еще была разноцветной и веселенькой, но с тех пор столько раз побывала в стирке, что Лауре не хотелось больше показываться в ней на людях. Однако Петер не допустил, чтобы она ее выбросила.

«Надевай ее хотя бы на ночь, — просил он. — Я как-то привязан к ней. Она напоминает мне особенный период в нашей жизни».

Тогда их любовь только-только зародилась. Лауре было двадцать семь, Петеру — тридцать два. Он только-только развелся, а она только-только рассталась со своим прежним молодым человеком. Оба были измотанными, полными недоверия и страха, оба боялись новых отношений. Бывшая жена Петера сразу же после развода переехала с их сыном в другой конец Германии, что, конечно, превратило право отца на свидание с ребенком в фарс, а он сам провалился в глубокое одиночество. Ему понадобилось больше времени, чем Лауре, чтобы открыться для совместного будущего.

В старой футболке она отправилась в ванную, почистила зубы и причесала волосы. В зеркале увидела, что бледна и что рот у нее скривился в тревоге. Ей вспомнились фотографии, на которых она стояла в этой же футболке на улицах Канн восемь лет назад: загоревшая, сияющая, со светящимися глазами. Страстно влюбленная до глубины души. Охваченная этим чувством и такая счастливая, что ей больше ничего не нужно было для счастья.

«Я и сегодня так же счастлива, — сказала она своему отражению в зеркале. — Так счастлива, что мне ничего больше не нужно. Я просто стала старше. Тридцать пять — не то же самое, что двадцать семь».

Резкое движение, которым она провела расческой по волосам, выдало ее нервное напряжение.

«Мой муж *один* раз не позвонил, — подумала она. — Как же получилось, чтобы это до такой степени вывело меня из равновесия?»

Она знала от своих подруг, что другие мужчины были в этом отношении намного легкомысленнее. В половине случаев они забывали позвонить вовремя или вообще не звонили, а кроме того, не соблюдали договоренности и не помнили важные для своей партнерши даты. Мать Лауры, Элизабет, всегда утверждала, что в лице Петера ее дочери достался великолепный экземпляр.

«Он очень надежный и зациклен на тебе. Ты лишь крепко держи его. Так легко ты такого больше не найдешь», — говорила она.

Лаура знала это. И вовсе не хотела быть придирчивой. Но как раз-таки *из-за* того, что Петер всегда был таким надежным, ее не покидало чувство тревоги. К тому же она тоже была слишком на нем зациклена, ее подруга Анна тоже всегда это говорила, но в конце концов...

Телефонный звонок прервал ее мучительные мысли.

— Наконец-то! — воскликнула она и направилась в спальню, где около ее кровати стоял

телефон. — Я уже подумала, что ты просто заснул и забыл обо мне, — сказала она вместо приветствия, сняв трубку.

На другом конце провода — молчаливое замешательство.

— Я не думаю, что вы имеете в виду меня, — сказала наконец Бритта, бывшая жена Петера.

Лауре стало неловко из-за своей ошибки.

— Извините, пожалуйста. Я думала, это Петер.

В голосе Бритты всегда слышались осуждающие нотки.

— Так, значит, Петера нет дома? — спросила она именно таким тоном. — Мне очень нужно с ним поговорить.

«В субботу вечером, в половине одиннадцатого! — недовольно подумала Лаура. — Не очень-то подходящее время для звонков, даже для разведенных жен».

— Петер уехал в Ла-Кадьер, — сказала она вслух. — Он вернется только в следующую субботу.

Бритта вздохнула.

— Он, вероятно, уже никогда не отделается от этого Кристофера и этих проклятых осенних гонок. Это тянется уже почти пятнадцать лет.

Бывшая жена Петера каждый раз с удовольствием пыталась продемонстрировать, что она наилучшим образом осведомлена о его пристрастиях и особенностях и что вообще намного дольше знала его, чем Лаура.

— Слава богу, — добавила она, — что меня все это уже не касается.

— Мне передать Петеру, когда он позвонит, чтобы перезвонил вам? — спросила Лаура, не реагируя на последние слова Бритты.

— Да, обязательно. Алименты на Оливера все еще не — поступили на мой счет, а у нас сегодня уже шестое октября!

— Ну, я считаю...

— Я, естественно, имею в виду плату за *сентябрь*. Ее я должна была получить *первого сентября*. Я не думаю, что обращаюсь по этому поводу слишком рано. Кстати, плата за октябрь тоже еще не поступила.

— Насколько я знаю, Петер оформил долгосрочное поручение банку по этому вопросу, — сказала Лаура. — Возможно, в банке произошла какая-то ошибка.

— Этого долгосрочного поручения уже год как не существует, — возразила Бритта, и чувствовалось, что она едва смогла скрыть свой триумф над теперешней супругой бывшего мужа — триумф от того, что она опередила ее в осведомленности. — Петер сам переводит деньги — и, к сожалению, почти всегда с опозданием. Порой действительно неприятно, что мне приходится ждать своих денег так долго. Да и на Оливере это плохо отражается. Это подрывает его доверие к своему отцу, которое, несмотря ни на что, он все еще испытывает, когда я объясняю ему, что не могу ему что-то купить, потому что Петер опять задерживает перевод алиментов!

Лауре пришлось сдержаться, чтобы не сказать в ответ что-то дерзкое. Она знала, что Бритта довольно хорошо зарабатывает в качестве управляющей банковского филиала и едва ли могла оказаться в затруднительном положении, чтобы отказать сыну в просьбе только потому, что Петер на пару дней позже перевел деньги. Если же она все-таки делала это, то лишь с одной целью: чтобы отрицательно повлиять на образ отца в глазах Оливера.

— Я поговорю с Петером, как только он объявится, — пообещала Лаура. — Он позвонит

вам позже. Я уверена, всему этому есть какое-то простое объяснение.

— Может быть, он все-таки еще позвонит вам сегодня вечером, — съязвила Бритта. По тому, как новая жена Петера ответила на звонок, она, конечно, сделала вывод, что та очень ждет вестей от него и уже понемногу начинает нервничать. — Во всяком случае, я желаю вам этого. Тогда он сможет застать меня завтра дома. Спокойной ночи. — И она положила трубку, не дожидаясь, пока Лаура тоже попрощается.

— Змея! — в сердцах воскликнула та и тоже повесила трубку.

«Петер мог бы сказать мне, что расторг долгосрочное соглашение с банком, — подумала она. — Тогда я не попала бы в такое дурацкое положение».

Но действительно ли она оказалась в дурацком положении? И разве отмена долгосрочного поручения настолько важна, чтобы Петер посчитал себя обязанным упомянуть об этом? Все дело, наверное, снова в ее слишком обостренной восприимчивости, из-за которой ей показалось, что с ней плохо обращаются. Любая другая женщина восприняла бы всю эту ситуацию такой, какова она есть: просто как небрежность с выплатой. Бывшая жена брызжет ядом, потому что не может смириться с тем, что ее бывший муж обрел счастье во втором браке, в то время как она, пожалуй, навсегда останется одна.

«Мне следует прекратить испытывать по отношению к этой женщине комплекс неполноценности, — сказала себе Лаура. — Она намного старше меня, много нервничает и, наверное, довольно несчастлива. Она представляла себе, что ее жизнь сложится совсем иначе».

Лаура еще раз заглянула в комнату Софи, но там все оставалось по-прежнему: малышка крепко спала, и щеки ее были горячими и покрасневшими, как всегда случалось у нее во сне.

Лаура прошла в спальню, ненадолго задержав свой взгляд на фотографии Петера в красивой рамке, стоявшей на ее ночном столике. На ней он находился на борту «Живчика» — яхты, которая принадлежала им с Кристофером. Вообще-то на фотографии был и Кристофер, но Лаура отрезала его, и теперь можно было увидеть с краю лишь кусочек его руки. На Петере были голубая рубашка и белый джемпер крупной вязки, небрежно наброшенный на плечи и завязанный узлом. Он смеялся. Он был загоревшим и выглядел здоровым и счастливым. В гармонии с собой, непринужденный и непритворный. У него было выражение лица, о котором можно было сказать: «Вот живчик!» Петер всегда так выглядел, когда находился на борту парусника. Иногда казалось, что там он становился другим человеком. Обычно он говорил: «Доски судна под ногами, парус, развевающийся на ветру, и крик чаек. Больше мне для счастья ничего не надо».

И каждый раз Лауре было больно, что она не входит в этот перечень. Однажды она спросила: «А я? Я тебе не нужна, чтобы быть счастливым?»

Петер посмотрел на нее большими глазами. «Но это же совершенно другая плоскость. Ты ведь знаешь это».

Лаура легла в постель и натянула одеяло до подбородка. Было слышно, как за окном шумит дождь. В комнате стоял холод — она на целый день оставила окна открытыми, а отопление еще не было подключено. Ей наверняка будет легко заснуть на свежем воздухе.

Вздохнув, она взглянула на светящийся циферблат будильника, стоявшего рядом с кроватью. Было без десяти одиннадцать.

Она почти не спала в эту ночь. Временами ей казалось, что она наблюдает за передвижением стрелок на будильнике, — и, возможно, так оно и было. А потом Лаура окончательно проснулась и уставилась на часы широко раскрытыми глазами. Половина первого. Час. Десять минут второго. Двадцать минут второго. Половина второго.

Без четверти два она встала и пошла вниз на кухню, чтобы выпить стакан воды. Ей было холодно в легкой футболке, но Лаура не могла найти свой банный халат. Да еще и кухонный пол из керамической плитки под ее босыми ногами был просто ледяным... Она пила воду маленькими глотками, уставившись на жалюзи перед окном, и понимала, что ведет себя слишком нервозно. Да что, собственно, произошло? Ее мужа не было дома, и он забыл перед сном еще раз позвонить ей. Завтра утром позвонит. Объяснит ей, что лег в постель, немного почитал и заснул за чтением. Потому что был слишком уставшим. Лаура вспомнила, что уже думала об этом вечером. О необычной усталости мужа. Его голос звучал таким изнуренным, каким она его еще никогда не слышала. Не удивительно, что в такой день он допустил подобную оплошность. Что он забыл позвонить. Что он...

То благоразумие, с которым Лаура хотела взять под контроль свое беспокойство, снова пропало. Чувство страха — страха перед безнадежным одиночеством — резко вспыхнуло в ней, как вспыхивает пламя в горелке. Она знала это чувство, оно не было для нее новым. Страх перед одиночеством сопровождал ее всю жизнь, и Лаура так и не научилась быть хозяйкой своей души. Этот страх появлялся ни с того ни с сего, и она никак не могла от него защититься. Вот и сейчас рухнули ее гордость и осмотрительность, которые она сохраняла весь вечер.

Лаура оставила стакан воды на столе, прошла в зал, потянулась за телефонной трубкой и набрала номер мобильного Петера. На другом конце провода опять включился автоответчик. На этот раз она оставила сообщение:

— Привет, Петер! Это я, Лаура. Уже почти два часа ночи, и я переживаю, потому что ты не позвонил. Почему ты не подходишь к телефону? Я знаю, это глупо, но... — Она осознала, что ее голос звучит плаксиво, как у маленького ребенка. — Но я чувствую себя такой одинокой... Кровать такая большая и пустая без тебя... Пожалуйста, откликнись!

Она положила трубку. Ей немного полегчало от того, что она выговорилась. К тому же Лаура слышала голос мужа на записи автоответчика; это тоже было чем-то вроде контакта, пусть даже совершенно одностороннего.

Лаура очень редко употребляла алкоголь, но сейчас налила себе немного водки, которая стояла для гостей на серебристом сервировочном столике. Комната освещалась только горевшей в прихожей лампой, и женщина залюбовалась необычной красотой ее интерьера, как делала это всегда, когда входила сюда. Оформление гостиной удалось ей особенно удачно, и это наполняло ее гордостью. Четыре года назад, когда они с Петером переехали в престижный район пригорода и купили этот дом, практически вся работа по дизайну комнат легла на плечи Лауры. У ее мужа было в то время особенно много дел, и он предоставил это занятие ей.

«Деньги роли не играют, — сказал тогда Петер и сунул ей в руку свою кредитную карточку, — купи, что тебе понравится. У тебя прекрасный вкус. Как бы ты все ни оформила, мне понравится».

Лаура была счастлива, что у нее появилась своя собственная обязанность. Обычно она скучала дома, и ей казалось, что дни тянутся слишком долго. Правда, время от времени она помогала секретарше Петера в бухгалтерии, но это занятие не давало ей по-настоящему проявить себя и не приносило удовлетворения. Она была художником. Ей не доставляло удовольствия разбирать бумаги, сортировать квитанции и складывать колонки чисел. Она делала это, чтобы разгрузить мужа. Но постоянно мечтала о том...

Нет. При мысли о своих желаниях Лаура, как обычно, тут же останавливала себя. Не стоит предаваться нереальным мечтам. Ее жизнь была прекрасна, ее жизнь была лучше, чем у многих других людей. Она обустроила этот очаровательный дом, она почти каждый день меняла что-нибудь в оформлении комнат, она любила копаться в маленьких антикварных магазинчиках или в магазинах художественных изделий, открывать для себя красивые вещи и нести их домой, любила обустраивать гнездышко, которое создали себе они с Петером.

«Как все прекрасно, — вновь подумала она, — и как спокойно... Новые шторы выглядят великолепно». Лаура принесла их за день до отъезда Петера из итальянского магазина. Шторы были невероятно дорогими, но она посчитала, что они стоят этих денег. Ей с большим трудом удалось повесить их, и вечером она ждала реакции мужа, но тот их сначала даже не заметил. Около восьми часов он пришел из офиса, весь погруженный в себя. Его полностью поглотили какие-то мысли, и Лаура предположила, что это были мысли о предстоящей поездке. А теперь, когда она стояла тут, в гостиной, и пила водку, медленно и с отвращением, потому что никогда не любила этот напиток, у нее перед глазами вновь четко возникла та сцена: они с Петером стояли здесь вдвоем, почти на том же самом месте, где она находилась сейчас.

— Тебе ничего не бросается в глаза? — спросила Лаура.

Ее муж огляделся. Его лицо было уставшим, а взгляд — отсутствующим.

— Нет. А мне что-то должно было броситься в глаза?

Ее это, конечно, немного огорчило, но она сказала себе, что в мыслях он уже давно на паруснике и что это совершенно нормально — предвкушать радость от отпуска.

— Мы ведь всегда говорили, что голубые шторы не очень подходят к ковру, — подсказала женщина мужу.

После этого его взгляд наконец скользнул к окну.

— О! Новые шторы, — сказал он.

— Они тебе нравятся?

— Очень красивые. Будто специально созданы для этой комнаты.

Но прозвучало это как-то неестественно. Как будто Петер прикидывался, что радуется. Но, может быть, Лауре это только показалось...

— Я купила их в этом итальянском магазине, где продаются всякие штуки для благоустройства жилья. Помнишь? Я тебе о нем рассказывала.

— Ах да, верно... Действительно, очень изящные.

— Я положила тебе счет на письменный стол, — добавила Лаура.

— Хорошо, — рассеянно кивнул Петер. — Я сейчас упакую вещи для поездки. Я хочу сегодня не очень поздно лечь.

— Ты не мог бы еще оформить плату по счету? А то, может быть, будет уже поздно,

когда ты вернешься домой...

— Ясно. Я буду иметь в виду. — И муж медленно покинул комнату.

Теперь Лаура вдруг вспомнила о счете. Парадоксальным образом алкоголь прояснил ее голову. Кратковременный наплыв паники из-за одиночества пропал, и она вновь могла трезво думать. И хотя вопрос счета не был по-настоящему важным, Лаура отправилась в кабинет, чтобы убедиться, что деньги перечислены.

Рабочий кабинет представлял собой маленькое помещение, расположенное между кухней и гостиной, с застекленной стеной, за которой открывался вид на сад. Вначале кабинет вообще был задуман в качестве зимнего сада. Лаура поставила там красивый старый секретер, который несколько лет назад нашла в одном из магазинов на юге Франции, и добавила к нему деревянный стеллаж и уютное кресло. Они с Петером делили эту комнату между собой: Лаура занималась в кабинете бухгалтерией, а ее муж работал там в выходные дни и по вечерам.

Она включила свет и сразу увидела, что счет все еще лежит на столе. На том же самом месте, куда она его положила. Петер, возможно, даже не посмотрел на него, не говоря уже о том, чтобы оплатить.

«Просто у него был нелегкий день, — подумала женщина. — Какие-то проблемы перед самой поездкой. И другие мысли в голове...»

Она медленно вернулась наверх. Может быть, водка поможет ей наконец заснуть...

Но желание уснуть так и осталось желанием: до самого рассвета Лаура не сомкнула глаз. В шесть часов она встала, удостоверилась, что Софи еще спит, и отправилась на пробежку. По-прежнему шел дождь, а ветер казался еще холоднее, чем накануне.

Дождь шел в это воскресное утро и на Кот-де-Прованс. После многих сухих летних дней вторая неделя октября принесла с собой смену погоды. Природе, несомненно, был нужен дождь.

Тучи сгустились в окружающих городок горах и тяжело нависали над склонами. Холмы виноградников не блестели, как обычно, своей разноцветной листвой под осенним солнцем, а мрачно выглядывали из-под туманной завесы. На улицах и проселочных дорогах стояли лужи. Ветер дул с востока, а это означало, что плохая погода в ближайшее время сохранится.

Катрин Мишо встала рано, как давно привыкла. Если она долго оставалась в постели после пробуждения, то легко впадала в раздумья, копаясь в своих мыслях, а это было опасно. В итоге она начинала плакать или сильнее погружалась в чувства ненависти и озлобленности, которые и без того всегда таились в ней, и потом ей весь день едва удавалось справиться со своими взбудораженными эмоциями.

Она приготовила себе чашку кофе и, согревая пальцы о чашку, ходила туда-сюда по квартире, из кухни в гостиную, затем в спальню, а потом снова на кухню. Ванной комнаты Катрин избегала — она вообще ненавидела ванную в этой квартире. Это помещение напоминало ей какую-то глубокую, узкую пропасть, в которую откуда-то свысока, сверху, просачивался блеклый луч света. Пол был покрыт холодной серой каменной плиткой, в которую проникла грязь от целых поколений предыдущих жильцов и которую уже невозможно было удалить. Бледно-желтый кафель, со всех сторон покрывавший стены где-то

на метр от пола, был с отбитыми углами, а на одной плитке, сразу около умывальника, кто-то из предшественников Мишо нацарапал агрессивное «Fuck you». Катрин попыталась разместить сразу над надписью вешалку для полотенец, чтобы закрыть эту пошлость, но крючок через два дня обломился, и образовавшаяся в стене развороченная дырка еще сильнее портила ванную комнату.

Окно здесь было расположено так высоко, что надо было забираться на унитаз, чтобы открыть его. А свет из него падал на лицо стоящего у умывальника перед зеркалом человека под ужасно неудобным углом, из-за чего отражение в нем всегда выглядело безнадежно серым и жалким. Любой выглядел в этом зеркале на много лет старше, чем был на самом деле.

Именно оно заставило Катрин в это утро избегать ванной. Еще больше, чем мерзкий вид этой комнаты, от которого захватывало дух, ее раздражал сегодня взгляд на собственное лицо — впрочем, как и во все предыдущие дни тоже. В последние недели она чувствовала себя немного лучше, но прошлой ночью проснулась от чувства жжения на лице. Было такое ощущение, что в жар бросило не все ее тело, а только кожу. Мишо тихо застонала, уткнувшись в подушку, и с трудом удержалась от того, чтобы не впиться ногтями обеих рук себе в щеки и в отчаянии не сорвать клочками кожу с черепа. Опять все началось... А ведь она каждый раз, снова и снова, надеялась во время ремиссии, что на этот раз болезнь окончательно покинула ее, остановилась и решила довольствоваться тем, что уже натворила! Каждый раз Катрин мечтала, чтобы у Бога — или кто там за всем этим стоит? — пропало желание мучить ее, чтобы он наконец удовлетворился своим разрушительным делом и выбрал себе новую жертву. Но всякий раз эта надежда оказывалась обманчивой. С интервалом в несколько недель — в лучшем случае это могло быть два-три месяца — у нее на лице за ночь появлялась угревая сыпь. Она предательски щадила спину, живот и ноги и полностью концентрировалась на лице и шее, разражаясь во всю свою мощь именно там, где Катрин не имела никакой возможности скрыть эти отвратительные гнойные прыщи. Сыпь цвела несколько дней, а потом медленно затихала, оставляя рубцы, ямки, выпуклости, покраснения и неопределенного цвета пятна. Мишо страдала от этой болезни с тринадцатилетнего возраста, и сегодня, в свои тридцать два года, выглядела так, словно ее жестоко избили. Она была обезображена даже в те периоды, когда болезнь затихала. Но в эти дни ей удавалось кое-как скрыть следы прыщей под толстым слоем крема и пудры. А в период обострения это не имело никакого смысла — косметика только ухудшала дело.

Ее лицо по-прежнему чесалось, и тонкие стены ее мрачной, старой квартиры вскоре стали так раздражать ее, что она решила, несмотря ни на что, все-таки выйти на улицу и позавтракать в каком-нибудь кафе на портовом бульваре. Ее квартира, расположенная в доме на одной из узких, темных улочек старого города Ла-Сьотá, имела такую угнетающую атмосферу, что порой Катрин едва выдерживала ее. Летом, когда весь этот край стонал от жары, там было еще довольно приятно, но осенью и зимой в квартире царила атмосфера глубочайшей депрессии.

Мишо надела легкое пальто и набросила на шею шарф, а затем подтянула его вверх, попытавшись прикрыть им подбородок и рот. Улочка, на которую она ступила, была влажной и едва освещенной. Дома стояли близко один к другому и казались склонившимися друг к другу. Шел непрерывный мелкий дождь. Катрин стремительно шла с опущенной головой через улицу, на которой, к счастью, в это раннее утро и в плохую погоду почти не было людей. Навстречу ей двигался пожилой мужчина, вытаращив на нее глаза, и она заметила,

что ее шарф соскользнул с подбородка. Мишо знала, как отталкивающе выглядит ее кожа. Вряд ли она могла упрекнуть людей за то, что те шарахались в сторону, увидев ее.

Наконец Катрин миновала последний ряд домов, увидела перед собой море и почувствовала, что ей стало легче дышать. Море лениво плескалось, ударяясь о набережную, и было таким же серым, как и небо, без единого блика, которыми оно обычно искрилось. Перед орлиной скалой возвышались огромные краны — пережитки войны, сооруженные нацистами. Их настолько прочно закрепили анкерами, что на их устранение ушло бы целое состояние, так что они остались стоять там и своим стальным отвратительным видом не давали городу стать красивым туристическим местом на берегу Средиземного моря. Из-за них Ла-Сьота производила на всех впечатление серого, рабочего города.

«Отвратительный город, — подумала Катрин, — словно созданный для отвратительной женщины».

Она направилась к «Бельвью», единственному кафе, расположенному напротив порта, которое в этот ранний час воскресенья уже было открыто. Хозяин по имени Филиппе знал ее уже много лет, так что ей можно было показаться там со своим обезображенным лицом. Мишо села за столик в дальнем углу и стянула шарф с шеи.

— Кофе со сливками, — сказала она, — и один круассан.

Филиппе оглядел ее с состраданием.

— Сегодня опять скверно, да?

Катрин кивнула и постаралась ответить наигранно легким тоном:

— Ничего не поделаешь. У всей этой истории свой ритм. Сегодня опять подошел мой срок.

— Сейчас я принесу вам настоящий, хороший кофе, — рьяно ответил Филиппе, — и мой самый большой круассан.

У него были хорошие намерения, но очевидное сострадание владельца кафе причинило женщине боль. Люди всегда общались с ней либо с состраданием, либо с отвращением. Порой она не знала, какую из этих двух манер общения тяжелее перенести.

«Бельвью» располагался на террасе под навесом с видом на улицу, и в холодное время года эта терраса была с лицевой стороны ограждена прозрачной полиэтиленовой стенкой. Со своего места Катрин могла наблюдать за улицей, которая постепенно наполнялась людьми. Мимо трусцой пробежали две спортсменки в сопровождении проворной собачки, проехала машина, мужчина с огромным багетом под мышкой свернул в сторону старого города... Мишо представила себе, с каким нетерпением этого человека ждали дома его жена и дети. Интересно, у него большая семья или нет? А может быть, он живет с подругой, молодой женщиной, которая еще лежит в постели и спит и которую он хотел приятно удивить завтраком... Ночью они наслаждались любовью, а затем наступило мирное утро, и они вряд ли заметили дождь. У женщины, наверное, были порозовевшие щеки, и он смотрел на нее влюбленным и восхищенным взглядом...

Она ненавидела таких женщин!

— Ваш кофе, — сказал Филиппе, — и ваш круассан!

Он размашисто поставил и то, и другое перед посетительницей, а затем озабоченно посмотрел на улицу и с видом пророка произнес:

— Ну, что поделаешь, сегодня дождь.

Катрин размешала одинокий кусочек сахара в своей одинокой чашке. Она почувствовала,

что Филиппе хотел сказать еще что-то, но надеялась, что он этого не сделает, потому что его слова могли причинить ей только боль.

— С вашим лицом... — смущенно произнес он, не решаясь смотреть на нее. — Я имею в виду, что врачи говорят по этому поводу? Вы же наверняка ходите к врачам?

У Мишо чуть не сорвался с губ дерзкий ответ, но она проглотила его. Филиппе ведь не виноват в ее жалком состоянии, к тому же она не хотела с ним ссориться. Если она не сможет больше ходить в его кафе, у нее не останется больше местечка, куда она могла бы забегать, и ей придется безвылазно сидеть в квартире.

— Конечно, — ответила Катрин, — я была уже у бесчисленного множества врачей. Мне кажется, вряд ли осталось что-то еще, что не было бы испробовано. Но... — Она пожала плечами. — Мне ничем не могут помочь.

— Да не может такого быть! — разгорячился Филиппе. — Чтобы женщине приходилось ходить в таком виде... Я имею в виду, что они могут летать на Луну, трансплантировать сердце... а с таким делом не могут справиться!

— Но так оно и есть, — сказала Катрин и спросила себя, что она, по его мнению, должна была ответить. — Мне остается только надеяться, что когда-нибудь какой-нибудь врач найдет средство, чтобы мне помочь.

— А отчего это вообще происходит? — Хозяин кафе справился со своим смущением, открыто уставился на нее и углубился дальше в эту тяжелую тему. — Ведь должна быть какая-то теория!

— Существует много теорий, Филиппе. Очень много. — Мишо увидела, что в помещение вошла женщина с двумя детьми, и теперь горячо надеялась, что ее собеседник обратится к вновь прибывшим посетителям. — Все как-нибудь уладится, — сказала она таким тоном, каким обычно заканчивают разговор. Охотнее всего она сейчас расплакалась бы. Ее лицо горело огнем.

— Только не вешайте нос, — произнес Филиппе и наконец оставил ее в покое. Катрин глубоко вздохнула. В данный момент она больше склонялась к мнению, что жалость хуже отвращения.

Оба ребенка уставились на нее. Две хорошенькие девочки с темными локонами и недовольными личиками. Одной на вид было лет девять, другой — около восьми.

— А что с этой женщиной? — спросила младшая, дергая за рукав свою мать. — Мама, что случилось с ее лицом?

Матери было явно неловко из-за громкого вопроса дочери, и она шепнула ей, чтобы та замолчала.

— Не смотри же постоянно туда! Этого не следует делать. Это очень несчастная женщина, и нельзя быть такой бестактной!

Лицо Катрин стало жечь еще больше. Она не осмеливалась отвести свой взгляд от чашки. Круассан уже не вызывал у нее аппетита. Но и желание разреветься тоже пропало. Теперь она вновь испытывала злость, которая так часто сопровождала ее наряду с печалью. Злость на всех, кто был здоров, кто был красив, кого любили, кто был желанным, кто мог наслаждаться жизнью.

— Почему, — неслышно пробормотала она себе под нос, — почему же?

— Можно мне присесть к тебе? — послышался вдруг мужской голос, и она посмотрела вверх.

Это был Анри, и хотя этот человек знал ее дольше, чем кто-либо другой, в первую

секунду он не смог скрыть испуга при виде ее лица.

— Ах, Катрин! — беспомощно произнес он.

— Садись! — Женщина указала на стул напротив. Она скорее ощутила, чем увидела, что мать двух любопытных девочек теперь тоже удивленно смотрела в их сторону, не отрывая от них глаз. Анри был очень привлекательным мужчиной. Не из того сорта мужчин, которых ожидали увидеть рядом с Катрин. А то, что он был ее кузеном, у него на лбу написано не было.

— Вначале я позвонил в дверь твоей квартиры, — сообщил Анри, — а раз тебя там не оказалось, решил посмотреть здесь.

— Других вариантов, собственно, и нет. — Мишо по-двинула к нему круассан. — Вот. Съешь. У меня нет аппетита.

— Но тебе все-таки следовало бы...

— Я не хочу. Так что или съешь, или оставь его тут.

Кузен Катрин набросился на выпечку так яростно, словно успел как следует изголодаться.

— Что тебя понесло так рано из дома? — спросила его родственница.

— Ну, ты, наверное, догадываешься. Я ни секунды не спал в прошедшую ночь.

— Анри, я...

— Не надо. — Мужчина жестом дал кухне понять, что ей лучше помолчать. — Я не хочу это обсуждать.

— Где Надин?

— Она вчера вечером покинула дом, но сегодня рано утром проснулась рядом со мной. Затем сразу же поехала к своей матери.

— Ты с ней...

Бледное, уставшее лицо Анри словно окаменело.

— *Я не желаю об этом говорить!*

— Хорошо-хорошо. — Катрин знала, что расспрашивать его сейчас не было смысла. Когда-нибудь кузен захочет поговорить, и тогда он придет к ней. — У тебя такой жалкий вид, — только и сказала она тихо.

— Мне нужна твоя помощь. Ты не могла бы помочь мне сегодня на кухне? Надин у своей матери, а при этой плохой погоде кабачок, боюсь, будет трещать по швам от народа. Я не смогу один справиться. Я знаю, ты помогла мне только что, в пятницу, но...

— Нет проблем. Я тебе и вчера вечером помогла бы. Если не было Надин, то у тебя наверняка возникли трудности. Почему ты не позвонил мне?

— Ты бы захотела поговорить со мной об... А я этого не хотел.

— Когда мне сегодня прийти?

— Ты не могла бы к одиннадцати?

Катрин горько улыбнулась.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы я чего-то не смогла? Я ведь только и жду, чтобы быть кому-нибудь нужной.

Анри вздохнул. На его лице читалась искренняя печаль.

— Я знаю, что огорчил тебя. Я был слишком слаб. Ты не представляешь себе, как часто я желаю и желал...

— Чего? Сделать все иначе?

— Нет. Как человек — такой, какой я есть, — я не смог бы сделать все иначе. Слабость

— это часть моей жизни, моего характера, структуры моего существа. Поэтому мои пожелания идут намного дальше. Я хотел бы, чтобы я был другим человеком. Не Анри Жоли из Ла-Сьота. А... ну, не знаю... Жан Дюпон из Парижа!

— А кто такой Жан Дюпон из Парижа?

— Я его только что выдумал. Жан Дюпон — менеджер одной крупной фирмы. Он тщеславный, довольно бесцеремонный, умеет очень жестко вести переговоры, его скорее боятся, чем любят, но каждый пытается к нему подлизаться. Он сидит в составе правления, и ему дают, в общем, хорошие шансы когда-нибудь стать председателем правления. Как тебе нравится этот Жан?

Катрин улыбнулась, и на этот раз ее улыбка была мягкой. Так она могла бы улыбаться, если б была здорова, если б в чертах ее лица не крылось глубокой горечи. Так она улыбалась бы, будучи привлекательной женщиной, и, может быть, тогда люди заметили бы ее красивые глаза.

— Мне не нравится Жан, — сказала Мишо. — Наоборот, он мне глубоко несимпатичен. Возможно, потому, что Анри так сильно завоевал мое сердце; и я не хочу видеть его никем другим — только таким, какой он есть на самом деле.

Анри принесли кофе, который он не заказывал. Он, как всегда, пил черный, без молока и без сахара. Уже много лет Катрин знала, какой кофе ему нравился: очень крепкий и очень горький. Иногда она раздумывала о том, как это было бы — варить ему кофе по утрам, сидеть с ним за одним столом и завтракать, наполняя его чашку. Она бы разрезала его багет, намазывала бы его маслом и медом... Анри любил багет с медом — она знала и об этом.

Он продолжил ее последнюю фразу:

— Этот Анри, которого ты не желаешь видеть никаким другим... он глубоко разочаровал тебя...

Мишо тут же воспротивилась и невольно произнесла слова, которые ее кузен сам недавно сказал:

— Я не хочу об этом говорить. Пожалуйста, не надо!

— Ну, хорошо. — Анри несколькими глотками выпил кофе, после чего отодвинул чашку, положил на стол деньги и поднялся. — Увидимся позже? Спасибо тебе, Катрин. — И прежде, чем покинуть кабачок, он бегло погладил кузину по волосам.

Мамаша уставилась ему вслед с другого конца зала — точно так же, как все остальные женщины всегда смотрели ему вслед, не отрывая взгляда.

«А я, — безутешно подумала Катрин, — действительно когда-то надеялась, что он женится на мне».

Уже через десять минут после приезда Надин пожалела, что поехала к матери. Как всегда в таких случаях, она почувствовала себя не лучше, а еще хуже, и теперь спрашивала себя, почему каждый раз с таким упорством наступает на те же грабли.

Правда, в этот день она была не совсем вменяема. Было ясно, что ей требовалось сделать что-то необдуманное. Вполне возможно, что могло произойти что-то еще худшее, чем приземление в унылом доме ее матери.

Как часто Надин уже пыталась убедить ее съехать из маленького домика на окраине Ле-

Боссе! Что удерживало ее мать в этом сарае, который уже почти полностью зарос растениями из огромного запущенного сада? Дом располагался в своего рода ущелье, и из его окон открывался только один-единственный вид — на высокие крутые скалы, врезавшиеся в небо и закрывающие собой все остальное. Ущелье было к тому же покрыто густым лесом, отчего даже в ясные летние дни здесь царила гнетущая мрачность. А в такой дождливый осенний день, как этот, безотрадность достигала своего апогея.

На кухне было холодно и пахло какой-то протухшей едой. Надин не стала снимать теплую куртку, все глубже зарываясь в нее, но все равно продолжала мерзнуть. Древние каменные стены так успешно защищали от летней жары, что внутри дома всегда было сыро и темно. Осенью и зимой следовало постоянно топить большой каменный камин в жилой кухне, чтобы жильцы могли чувствовать себя более-менее уютно. Но это случалось редко даже в детские годы Надин. Ее отца почти никогда не было дома из-за его многочисленных романов на стороне, а мать все причитала и роптала, и была, как правило, настолько загружена делами, что о таких необязательных вещах, как огонь в печи, и не думала. Так что Надин уже в двенадцать лет решила, что как можно быстрее покинет свою семью.

Вот и сегодня она вновь огляделась и подумала с глубокой горечью: «Нельзя, чтобы ребенок рос в таких условиях».

Мария Иснар подошла к столу с полным кувшином кофе.

— Вот, дочка. Тебе станет лучше. — Она озабоченно оглядела Надин. — Ты выглядишь очень бледной. Ты вообще спала в эту ночь?

— Не очень хорошо, — отозвалась Надин. — Может быть, погода виновата. У меня всегда проблемы, когда лето переходит в зиму. Не лучший период для меня.

— А сегодня особенно мерзко, — заметила Мария. Она была в халате — Надин застала ее еще в постели. — Но с Анри ведь всё в порядке?

— Как всегда, скучно.

— Видишь ли, после пятнадцати лет... уже никакие отношения не бывают волнующими.

Мария тоже села за стол и налила себе и дочери кофе. Неумытая и непричесанная, она выглядела не на свои пятьдесят лет, а на пятьдесят пять. Вокруг глаз ее лицо было сильно припухшим, но Надин знала, что мать никогда не прикасалась к алкоголю и что ее обвисшие веки и пухлые мешки под глазами появились не от подобных излишеств. Скорее всего, она просто снова плакала — часами. В один прекрасный день она выплачет все глаза.

— Мама, — сказала Надин, — почему ты, в конце концов, не уйдешь из этого дома?

— Мы так часто говорили об этом... Я уже больше — тридцати лет живу здесь. Зачем мне сейчас что-то менять?

— Потому что в твои пятьдесят лет ты еще нестарая женщина, чтобы хоронить себя в такой глуши. Ты могла бы еще так много успеть в своей жизни!

Мария провела растопыренными пальцами левой руки по волосам. Ее коротко остриженные, почти черные кудри торчали вверх, как метелки.

— Да посмотри на меня! — отмахнулась она. — Что бы я еще могла успеть в своей жизни?

На самом деле она все еще была привлекательной женщиной, и это не могли скрыть даже ее неряшливый вид и опухшие глаза. Надин знала, что ее мать, дочь винодела из Кассиса, когда-то слыла одной из самых прекрасных девушек в этой местности, и слыла по праву, что подтверждали фотографии. Она была чувственной, жизнерадостной, энергичной и

невероятно красивой. Неудивительно, что такой же чувственный и всеми обожаемый Мишель Иснар влюбился в нее и сделал ей ребенка, когда ей еще не было семнадцати. После бурных настояний отца Марии эти двое поженились, а затем им пришлось подыскать для себя и их дочери пристанище.

Надин никогда не смогла простить своему отцу, что в то время он внезапно заикнулся на этой романтической древней развалине в уединенном месте. Мария всегда рассказывала, что одно время он только и мечтал о большом участке земли, о козах и курах, и о большом доме, который дышал бы шармом давно прошедших времен...

Так они и попали в развалину в Ле-Боссе, и Мишель объявил, что внутреннюю отделку дома он возьмет на себя и создаст внутри уютный домашний очаг. По большей части все это так и осталось одними лишь намерениями. Иснара никогда не привлекала физическая работа. Он стал еще более интенсивно, чем когда-либо, заниматься своим маленьким антикварным магазинчиком в Тулоне: отсутствовал весь день, а затем еще и полночи, и лишь спустя годы Надин поняла, что в эти поздние часы отец посвящал себя преимущественно юным туристкам и проводил время в кабачках, на дискотеках и в чужих постелях. В то время Мария и начала рыдать по ночам в подушку, впитывающую ее слезы, и с тех пор, в общем-то, уже никогда не прекращала это занятие. Она тащила на себе необъятно большой сад, кур и коз, о которых так сильно мечтал Мишель, и маленькую девочку, из-за которой уже в двадцать лет прочно застряла в несчастном браке и начала выглядеть удрученной горем.

В их доме не было водопровода и электричества, а окна невозможно было закрыть плотно, без щелей. Мишель начал было строить ванную комнату, но эта работа на полпути надоела ему, и теперь на стенах этой комнаты были приклеены несколько кафельных плиток, а глиняный пол был наполовину уложен плиткой. Однажды — Надин тогда было шесть лет — ее отец с гордостью принес домой зеркало: антиквариат, красиво обрамленный в раму.

— Для тебя, — сказал он Марии, у которой были опухшие глаза, так как она две ночи подряд не знала, где он. — Для твоей ванной комнаты.

Это был первый и единственный раз, когда Надин увидела, как ее мать превращается в фурию. Мария уставилась на своего мужа так, словно не могла понять, что он только что сказал или как он мог так безобидно ей улыбаться. А потом схватила зеркало обеими руками и со всей силы швырнула его на каменный пол кухни. Стекло и рама разлетелись на тысячи кусочков.

— Не смей больше никогда этого делать! — заорала она; на лбу у нее вздулись вены, а голос надрывался. — Не смей никогда меня так обижать! Оставь себе свое дерьмо!!! Я не хочу никаких подарков, я ничего не хочу! Не от тебя! Я могу прекрасно обойтись без твоей дурацкой ухмылки, без твоего мямкания и вообще без всего твоего, без всего, что мне вообще от тебя не нужно!

Надин убежала в свою комнату и зажала уши. И только позже, когда в доме уже довольно долго стояла тишина, она вновь осмелилась выйти и украдкой пробралась на кухню. Мария сидела за столом, подперев руками голову, и плакала. Вокруг нее валялась куча осколков от разбитого зеркала. Мишеля нигде видно не было.

— Мама, — тихо спросила девочка, — что случилось? Почему ты не обрадовалась папиному подарку?

Мария подняла на нее взгляд, и Надин впервые спросила себя, как выглядела ее мать, когда глаза у нее не были заплаканными.

— Ты этого не поймешь, — сказала она, — ты еще слишком маленькая. Когда-нибудь

потом ты сможешь это понять.

И в какой-то момент Надин это поняла. Ей стало ясно, что в жизни отца постоянно были другие женщины, что он был ветреным человеком, что он шел на поводу своих настроений, действовал, как ему вздумается; что он беззаботно проживал день за днем и вряд ли задумывался о других людях. Он женился на самой красивой девушке среди всех, кто жил между Тулоном и Марселем, но она отталкивала его своим постоянным нытьем, упреками и ворчливостью.

Когда Надин исполнилось четырнадцать, она не могла мечтать ни о чем другом, как о том, чтобы наконец расстаться с той жизнью, которую она вела. К тому времени Мишель влюбился в хозяйку одного бутика в Ницце и поспешно переехал к ней. Свой антикварный магазинчик отец сдал внаем и рассказывал каждому, желал тот его слушать или нет, что нашел женщину своей мечты. Поначалу он еще несколько раз появлялся около школы Надин, отлавливал ее там и отправлялся с ней в какое-нибудь кафе, выпить чаю или пообедать, и увлеченно рассказывал ей восторженными словами, как прекрасно обернулась его жизнь. Но эти посещения становились все реже, и в конце концов он вообще перестал появляться.

Надин тогда постоянно упрашивала Марию развестись и переехать наконец в уютную квартиру на берегу моря.

— Здесь ведь ужасно! Здесь мы закинем! Здесь ничего не происходит, и этот дом сам по себе ужасен! И почему ты все еще хочешь быть связанной с человеком, который тебя только разочаровывал и изменял тебе?

Однако долгие годы, полные разочарования и слез, отняли у Марии все силы. Эта женщина уже не могла найти в себе энергию, чтобы внести в свою жизнь какие-то изменения. Она смирилась с домом, с одиночеством, со всеми неисполненными обещаниями, которых было так много в ее жизни. Хотя это вовсе не означало, что она перестала плакать. Мария смирилась и со слезами: они были неотъемлемой частью ее повседневной жизни. У Надин иногда создавалось впечатление, что ее мать плакала с той же целью, с какой другие курят, пьют или предаются еще каким-нибудь вредным привычкам. Когда Мария заканчивала работу или просто прерывалась, чтобы отдохнуть на минутку, она садилась за кухонный стол и плакала, а через некоторое время вставала и продолжала дальше заниматься делами.

В восемнадцать Надин окончила школу и была основательно сыта всем, что видела здесь. Этим отвратительным домом с отваливающейся штукатуркой и кучей временных пристроек. Вечным недостатком денег, который объяснялся тем фактом, что Мария ничего не зарабатывала, и они зависели от нерегулярно поступавших денег от Мишеля и от тех средств, которые выделял отец Марии, да и то после длительных прошений и мольбы. Слезами своей матери и ежедневным безутешным однообразием.

Надин часто думала, что если бы встретила Анри теперь, то ни за что не вышла бы за него замуж, но тогда это было единственной возможностью навсегда покинуть тот дом.

— Знаешь, дочка, — промолвила наконец Мария, — ты всегда советуешь мне, что делать, чтобы стать счастливее. Но ведь правда в том, что я свою жизнь уже прожила. А твоя, напротив, еще лежит перед тобой!

— Мне тридцать три! — запротестовала ее дочь.

— Для тебя действительно пока еще все двери открыты. Если ты поступишь умнее, чем я. В тридцать три у меня была уже почти взрослая дочь, и меня бросил муж, бросил после того, как годами превращал мою жизнь в ад. Но...

— Все верно, — перебила Надин, — твоя дочь была уже почти взрослой. Ты была свободна. Но ты не пошевелилась.

Мария со звоном поставила на стол свой бокал с кофе, который она только что пыталась поднести к губам.

— Твой отец, — резко сказала она, — медленно высосал из меня всю силу, энергию и радость жизни. Он разрушил меня. В тридцать три года я была полна горечи и слаба духом, а через пару лет состарилась. А у тебя все иначе. Ты счастлива с Анри. Он прекрасный мужчина. Он с самого начала носил тебя на руках. И нет причин, чтобы ты... — Она внезапно замаялась.

— Да? Что ты хотела сказать?

— Честно говоря, ты скверно выглядишь. Это мне уже в твой прошлый приезд бросилось в глаза, а ведь это было восемь недель назад. Тогда была прекрасная погода, и о переходе к осени еще не могло быть и речи. Тем не менее у тебя было похоронное выражение лица... Что произошло? У рта появились складки, которые обычно возникают лет на десять позже.

— О боже, мама! — Надин встала. Она сильно похудела за последние недели и знала, что выглядит ужасно хрупкой. Да еще эта ночь стоила ей последних сил. Она была полна отчаяния и безысходности. — Мама, не травми мне душу. Ты никогда раньше не спрашивала об этом, почему вдруг теперь?

— Никогда раньше не спрашивала? Я всегда хотела знать, как у тебя дела. Я всегда интересовалась. Не думаю, что ты можешь упрекнуть меня...

У Надин разболелась голова. Ее мать нельзя было назвать неинтеллигентной или нечуткой, но она никогда не поймет свою несостоятельность в жизненных проблемах собственной дочери.

— Мама, я ни в чем не хочу тебя упрекать, — сказала Надин. — Но твои вопросы о моем самочувствии ограничиваются обычным «ну, как дела?». На что я отвечала обычным «хорошо» или «нормально». И ты никогда особо не допытывалась, как я живу на самом деле.

Теперь Мария казалась несколько ошеломленной.

— Но ты всегда казалась счастливой!

Надин горько улыбнулась.

— Счастливой! Ты знаешь, что всю свою жизнь, сколько я себя помню, я ничего не желала больше, чем продать Ле-Боссе. Эту яму, в которую ты заперлась и которая стала тюрьмой и для меня. И насколько я сумела продвинуться? До Ле-Люкета в Ла-Сьота! Чертовски далеко, не правда ли? До идиотской кухни с еще более идиотской печью для пиццы. Думаешь, об этом я мечтала все эти годы в нашей пропасти?

— Но Анри... — снова начала Мария слабым голосом.

Ее дочь опустила обратно на стул.

— Оставь меня с Анри в покое, — потребовала она. — Ради бога, оставь нас в покое!

А потом сделала то, что обычно делала ее мать: опустила голову на руки и заплакала. С Надин этого практически никогда не случалось. Но на этот раз она так горько всхлипывала, словно разъедавшая ее внутри боль не оставила от нее ничего, кроме бесконечного моря слез.

Лаура вернулась с пробежки в начале восьмого. Приготовив себе чай, она захватила чашку с собой в ванную, где долго принимала душ, а потом просушила феном волосы, старательно накрасилась и под конец даже покрыла лаком ногти на ногах. Женщина и сама не знала, почему в это воскресное утро так тщательно приводила себя в порядок, — обычно по воскресеньям она закрывала глаза на мелкие погрешности в своем внешнем виде и до вечера оставалась в спортивных штанах и футболке. Но на этот раз происходило что-то особенное. Лаура чувствовала себя необыкновенно слабой и искала хоть что-то, за что могла бы крепко держаться. Ей хотелось выглядеть опрятной, чтобы вообще хоть что-то выглядело как положено. Ее мир пошатнулся: в прошедший вечер она впервые отправилась спать, не поговорив с Петером.

И за всю ночь не спала ни одной минуты.

Лауре стало ясно, насколько она зависела от определенных ритуалов, насколько она зависела от *него*, от этого брака. Все ее душевное равновесие основывалось на том, все ли у них с Петером было в порядке, и в зависимости от этого ее настроение поднималось или падало. Ей не удавалось переключиться и ввести в игру другие приоритеты, чтобы добиться равновесия. Существовал только Петер. Только он один решал вопрос, была она в гармонии с собой или нет.

Лаура пожарила на кухне яичницу, которую затем выбросила в мусор, так как от одной только мысли о еде ей стало плохо.

В половине десятого от Петера все еще не было звонка.

«Это ненормально», — тихо сказала себе она.

Наверху заворковала в своей комнате Софи. Когда мать поднялась к девочке, та стояла в своей детской кроватке с решеткой и протягивала ей обе ручонки. Софи была просто до смешного похожа на своего отца. Она унаследовала его широко расставленные серо-зеленые глаза, его прямой нос и широкую, сияющую улыбку. Лаура не находила в своем ребенке ничего своего. «Если б я не была настолько уверена, что я мать...» — шутливо говорила она иногда.

Раньше то, что она произвела на свет точную копию Петера, ничего для нее не значило. Но сегодня Лаура впервые почувствовала легкую тревогу из-за этого, хотя и не могла объяснить себе, в чем тут дело.

Она взяла Софи с собой вниз и покормила ее. Малышка была в наилучшем настроении — она много смеялась и пыталась потрогать все, до чего могла дотянуться.

Было без пяти десять, и Лаура была еще занята кормлением, когда зазвонил телефон.

Ее облегчение было потрясающим, просто неопишмым. Она так сильно ждала этого звонка, что теперь, когда он наконец раздался, чуть не разрыдалась. Держа Софи на руках, Лаура поспешно подошла к аппарату.

— Боже мой, Петер! Что случилось?! — воскликнула она.

И во второй раз за двенадцать часов наткнулась на молчаливое замешательство на другом конце провода. К счастью, теперь это оказалась не Бритта, а подруга Лауры Анна.

— Я не совсем понимаю, что в этом трагичного, если Петер один раз не позвонил, — по-деловому рассудила она после того, как Лаура ей обо всем рассказала, — но если это для тебя так больно, то я бы задала ему жару. Он достаточно долго живет с тобой, чтобы знать, как тебя мучает его поведение. Так что не считайся с ним. Набирай его номер каждую минуту. Когда-нибудь он отреагирует.

— Но я ведь уже пыталась. Я могу представить только одно: что он по какой-то причине

не слышит звонка. И именно это меня и беспокоит.

— Или он слышит и не хочет разговаривать, — сказала Анна, и когда она произнесла это, Лаура поняла, что подруга все это время принимала во внимание такую возможность и именно поэтому была так обеспокоена.

— Он не будет так себя вести, — ответила Лаура. — Да и с чего бы?

— Ты знаешь, некоторые вещи я в нем не понимаю, — сказала Анна. Она никогда не скрывала, что недолюбливает Петера. — Возможно, он действительно рассматривает эти гонки как *свою* неделю. Только он, друг и парусник. Он хочет провести это время только с самим собой. Просто почувствовать себя совершенно ничем не обремененным.

— А со мной он чувствует себя обремененным? — уязвленно спросила Лаура.

Анна вздохнула.

— Думаю, ты знаешь, что я имела в виду. Просто порой хочется что-то предпринять без своего партнера. Вместе со своей подругой или другом...

— Но я...

— Я знаю, у тебя это иначе.

В голосе Анны не прозвучало никакого упрека, за что Лаура была ей глубоко благодарна. Раньше, когда они еще вместе учились фотомастерству, да и позже, когда получили первые заказы и мечтали о том, что когда-нибудь будут работать вместе, они постоянно что-то предпринимали вдвоем. Но с тех пор, как в жизни Лауры появился Петер, все мгновенно прекратилось. Лаура часто думала, что у Анны были все основания прекратить с ней дружить, и она была благодарна подруге за преданность, которую та все еще проявляла к ней.

— Ты заиклена на Петере, и рядом с ним для тебя больше ничего не существует, — продолжала Анна, — но откуда тебе знать, что и у него все так же? Может быть, он иначе себя чувствует, и твои... твои цепкие объятия, может быть, порой чрезмерно давят на него.

— Но я и не зажимаю его в тиски! Ведь он может делать все, что хочет. Он живет своей работой, и я еще никогда не вмешивалась туда!

— Ты слишком сильно ждешь его. Ты каждый день с нетерпением дожидаясь, когда он войдет в дверь. Ты слишком часто звонишь ему в офис. Самое позднее во вторник ты уже хочешь знать, где и как вы вдвоем проведете выходные. Он должен посвящать тебе каждую секунду своего времени. Ты когда-нибудь задумывалась над тем, что Петер, возможно, иногда воспринимает это как давление?

Лаура ответила не сразу. Слова подруги все еще звучали у нее в ушах. Наконец она тихо произнесла:

— Время порой так долго тянется для меня...

— Тебе не надо было прекращать работать, — сказала Анна.

— Петер очень хотел этого.

— Все равно это неправильно. Тебе надо было бороться. Ведь это так важно — оставить что-то для себя. Какую-то область, которая принадлежит только тебе и которая наряду с Петером тоже имеет значение в твоей жизни... Поверь мне, тогда у тебя был бы более спокойный подход к вашему браку. Что чрезвычайно хорошо отразилось бы и на самом браке.

— Но что же мне теперь делать?

Вначале Анну озадачил этот вопрос, но потом она поняла, что Лаура имела в виду вовсе не возобновление профессиональной деятельности — она просто вернулась к началу их разговора.

— Бомбардируй его. Он обещал позвонить, и то, как он сейчас поступает, в высшей

степени нечестно. Позвони ему, позвони его другу. Позвони этим вашим знакомым, у которых он собирался перекусить. Окружи его со всех сторон. А потом объясни ему, что ты думаешь по поводу его поведения. Швырни трубку на аппарат и будь недосягаемой до конца недели. — Анна глубоко вздохнула. — Это мой тебе совет по поводу Петера. А что касается тебя, могу сказать только одно: начни снова работать. Петер будет выражать свое недовольство, но потом уступит. Я знаю мужчин — в конце концов они сдаются перед неизбежным. А мое предложение еще в силе. Хорошая сотрудница мне пригодится.

— Анна, я...

— Мы всегда были хорошей командой. Повспоминай как-нибудь на досуге, какие у нас были планы. Еще не поздно.

— Я тебе позвоню, — сказала Лаура и положила трубку.

5

Кристофер Хейманн проснулся в это воскресенье в половине одиннадцатого — вынырнул из глубокого сна, подобного коме. Головная боль тут же набросилась на него, словно злейший враг, который уже часами караулил около его кровати... Его кровати? Кристофер далеко не сразу сообразил, что лежит вовсе не в своей постели. Пальцы нащупали что-то деревянное. Он понял, что замерз, а когда попытался отыскать одеяло, то не смог найти его. Смертельная головная боль вначале перекрыла все остальное, но постепенно наружу пробилась и другие ощущения, и он почувствовал, что болит не только голова, а вообще каждая косточка в его теле.

«Черт!» — хрипло прошептал мужчина.

Перед глазами у него постепенно начали одна за другой вырисовываться картины. Он смог распознать ступеньки, ведущие вверх. Ножки античного стола. Стойку зонта из латуни, в которой торчал голубой зонт. Начало лестничной площадки, покрытой белым лаком...

Прихожая его собственного дома. Территория входа в дом. Он лежал животом вниз на полу сразу же за дверью, а в голове у него стучал пневматический молоток, и он ощущал кости, о наличии которых до сих пор не подозревал, и чувствовал, что его с минуты на минуту стошнит.

Зазвонил телефон. Хейманн предположил, что аппарат звонил уже давно, на протяжении какого-то времени, и что именно от этого звона он и проснулся. Телефон находился в маленькой каминной комнате, следующей после прихожей, но Кристофер не имел ни малейшего представления, как ему туда добраться. Во всем его теле бушевала боль.

Мужчина усиленно попытался воспроизвести в памяти прошедший вечер. Он пил. Пил до упаду. В каком-то чертовом портовом трактире в Лес-Лекесе. В каком? Судорожная попытка напрячь память усилила его головную боль. Да и непрекращающийся звонок из соседней комнаты делал эту боль просто невыносимой. Кто бы ни звонил, у этого человека должно было быть невероятное терпение.

Расплывчатые картины возвращались. Порт. Трактир. Море. Вчера вечером уже шел дождь, и было довольно прохладно. Он пил виски. Он всегда пил виски, когда пытался забыться. В какой-то момент кто-то — может быть, официант — попытался уговорить его остановиться. И еще Кристофер помнил, что стал очень агрессивным. Он не остановился. Он настаивал на том, что у него есть право быть обслуженным.

А потом пленка его воспоминаний обрывалась. С какого-то момента все пропадало в темноте. У Хейманна не было ни малейшего представления о том, что произошло. Но поскольку он лежал в прихожей своего дома, то должен был каким-то образом сюда попасть. От мысли, что он, возможно, сам был за рулем машины, мужчина почувствовал головокружение. Пешком дойти до Ла-Кадьера он не мог. Если же он на самом деле сел за руль, то это чудо, что он еще жив.

На какое-то мгновение телефон замолчал, а потом звонки начались снова. Кристофер решил докатиться по полу до аппарата и вырвать кабель из стены, поскольку иначе эти звонки сведут его с ума. Он приподнялся, опираясь на руки, и в этот момент ему стало смертельно плохо. Его стошнило несколько раз, и вскоре вся прихожая была в его рвоте. Кристофер с трудом прополз через все это к маленькой мрачной комнате. Когда он уже почти добрался до телефона, его стошнило еще раз, и он смутно вспомнил еще один момент в своей жизни, когда ему было так же нехорошо и его вырвало в комнате. Он был тогда маленьким, еще ребенком, а его мать впервые заявила семье, что уходит. Навсегда. Он начал кричать, и его вырвало, но ее ничто не смогло смягчить. Она быстрыми шагами покинула дом и ни разу не обернулась.

Кристофер передумал — он решил все же не выдергивать штекер из стены. Вместо этого подтянулся вверх, схватившись за стол, взял трубку и вместе с ней медленно соскользнул по стене на пол.

— Да! — произнес Хейманн. Он не был уверен, что сможет произнести хоть один звук, но, к его удивлению, голос звучал несколько хрипло, но в общем-то вполне нормально. По голосу можно было подумать, что его обладатель скорее простужен, чем страдает от тяжелого похмелья.

После стольких лет жизни во Франции Кристофера каждый раз в первый момент удивляло, когда к нему по телефону обращались по-немецки. Спустя несколько секунд, он узнал голос Лауры. Жены Петера. И тут же понял: он знал, что она позвонит и что его пьянка в прошлый вечер тоже как-то связана с этим.

— Кристофер? Это я, Лаура Симон. — Женщина назвала свое полное имя, чего она никогда не делала, когда говорила с ним, и это указывало на ее нервозность. — Слава богу, что застала тебя! Я уже полчаса пытаюсь тебе дозвониться!

— Лаура... Как дела? — отозвался Хейманн.

— Ты простужен? — спросила жена Петера вместо ответа. — У тебя такой странный голос...

Мужчина откашлялся.

— Да, немного. Погода здесь мерзкая.

— Поэтому вы и не в пути, да? Петер говорил, что вы хотели рано поутру отправиться...

— Дождь льет как из ведра.

— Петер у тебя? Я уже несколько часов пытаюсь до него дозвониться. В доме его не застать, и по мобильному тоже...

Когда Кристофера вырвало, это несколько просветлило его голову, так что он смог понять услышанное. «Черт побери! Черт побери! Что же мне ей ответить?»

— Нет, здесь его нет, — наконец недовольно ответил Хейманн. — Понятия не имею, где он может торчать.

На другом конце провода воцарилось ошеломленное молчание. А затем Лаура снова

заговорила хриплым голосом, и Кристофер почувствовал в нем то отчаяние, в котором она находилась уже несколько часов:

— Но этого не может быть! Что значит, ты не знаешь, где он торчит?

— А то и значит, что было сказано. Что я еще могу к этому сказать?

— Кристофер, но ведь вы договаривались, что либо вчера вечером, либо самое позднее сегодня утром встретитесь и потом отправитесь на паруснике. Как же ты можешь так хладнокровно заявлять, что не имеешь понятия, где он находится?

— Он не появлялся, — ответил Хейманн. — Ни вчера вечером, ни сегодня утром.

Его собеседница тяжело дышала от волнения. Сейчас ее голос станет резким. У женщин голос всегда становится резким, когда они расстраиваются.

— И ты *ничего* не предпринимаешь?! — спросила Лаура, теряя самообладание. — Твой лучший друг не появляется к условленному времени, и это совершенно тебя не *интересует*?

Если б она знала, как у него болит голова! Если б только он не брал трубку... Хейманн в отчаянии почувствовал, что с этой ситуацией ему никак не справиться.

— Ну а что я могу сделать? — пробурчал он. — Видимо, у Петера нет желания гонять под парусом. Он передумал. Ну и что? Он свободный человек и может делать все, что пожелает.

Ему было ясно, что Лаура посчитала его свихнувшимся.

— Кристофер, но ведь он только из-за парусных гонок и поехал на Лазурный Берег! Вчера в шесть вечера он звонил мне. Он еще хотел поесть у Надин и Анри, а потом сразу отправиться спать, чтобы сегодня быть в форме. Ни слова о том, что он мог передумать.

— Может быть, ему просто нужна дистанция... От всего. От тебя.

— Кристофер, сделай мне одолжение. Я действительно боюсь, что что-то могло случиться. Пожалуйста, съезди в наш дом, ключ ведь у тебя есть. Посмотри, может быть, он там. Может быть, ему стало плохо или он неудачно упал... — Теперь жена Петера уже почти плакала. — Пожалуйста, Кристофер, помоги мне. Помоги *ему*!

— Я не могу туда поехать. У меня такой процент алкоголя в крови, от которого другие умирают. Я сижу здесь, и меня рвет. Извини, Лаура, но не получится. Я не могу даже до своей кровати добраться!

Связь с треском прервалась, и Хейманн удивленно уставился на трубку телефона. Мышка положила трубку. Точнее сказать, она, видимо, с такой силой швырнула трубку, что могла разбить аппарат. Это удивило Кристофера: он даже не знал, что у нее могут быть такие проявления темперамента. Обычно Лаура слишком заботилась о том, чтобы быть милой и чтобы все ее любили.

«Бедняжка, — подумал Кристофер, — чертовски жалко...»

Он съехал по стене еще ниже и в конце концов улегся на пол. Рвота на его одежде ужасно воняла, но он знал, что ему все равно еще потребуется какое-то время, пока он сможет попытаться добраться до душа. А сейчас ему нужно еще немного поспать...

В кафе «У Надин» в это воскресенье была напряженная работа. Хотя в это время года на Лазурном Берегу было не так уж много туристов, тех из них, что еще не уехали, плохая погода загоняла в рестораны и кафе, где они проводили больше времени, чем в обычное

время.

Катрин и ее кузен работали совсем одни, так как Надин действительно больше не появлялась, а подсобная работница, которую Анри иногда нанимал, с первого октября больше не приходила, потому что обычно в это время ее помощь уже не требовалась.

Но вот сегодня две дополнительных руки были очень нужны. Каждый стол был занят: люди ели, чтобы заглушить разочарование, которое вызывал у них дождь. И хотя вслух Анри ничего не сказал, Катрин знала, в чем проблема: ему нужен был кто-то для сервировки столов. А она для этого была непригодна. С таким лицом нельзя подавать людям блюда. В период обострения ее болезни никто не принял бы от нее еду, к которой она до этого прикасалась, и, если быть честным, Катрин едва ли могла осудить людей за это. Ее болезнь выглядела противно, да к тому же могла быть еще и заразной. Нельзя же объяснять каждому, что эта сыпь была ее личным горем и она не могла перенести ее на кого-то другого...

В результате Анри пришлось самому обслуживать гостей, но ему нужно было одновременно еще и следить за пиццей в печке и за едой, которая готовилась на плите. Обычно его место было на кухне, а Надин подавала блюда, и сегодня он почти разрывался между двумя обязанностями. Катрин могла по крайней мере помочь ему тем, что мыла посуду и мелко нарезала все новые горы томатов, лука и сыра для пиццы, а кроме того, по указке кузена время от времени помешивала еду в кастрюлях на плите, чтобы там ничего не пригорело. Тем не менее, когда Анри в очередной раз вошел на кухню, совершенно измотанный и изнуренный, от одного взгляда на него у Катрин почти разорвалось сердце.

— Анри, мне так жаль, — сказала она. — Я тебе не помощница. Тебе почти все приходится делать самому, и...

Кузен шагнул к ней и прижал палец к ее губам.

— Псст! Ни слова больше. Не умаляй себя, как всегда. Я благодарю бога, что ты сегодня здесь. Иначе я опустил бы руки. Ты же видишь...

С этими словами Анри вновь повернулся к плите и, ругаясь, отодвинул в сторону кастрюлю, после чего торопливо потянулся к полке со специями, ссыпал вместе несколько приправ и перемешал их. Катрин знала, что у него талант к выпечке и вообще к приготовлению пищи, и поэтому даже в таких стрессовых ситуациях он был очень выносливым. Ради его пиццы люди приезжали в это кафе издалека.

От короткого прикосновения Анри у его кузины подкосились ноги, и теперь она резала лук трясущимися пальцами. Все еще. По прошествии стольких лет он все еще волновал ее до глубины души, когда прикасался к ней. Ее глаза наполнились слезами, и Катрин шмыгнула носом. Анри на мгновение оглянулся к ней.

— Что-то не так?

— Нет. — Она проглотила слезы. — Это от лука.

Анри покинул кухню с полным подносом стаканов. Двустворчатая дверь качнулась за ним назад и вперед. Катрин подумала о том, как же это было бессовестно со стороны Надин бросить его так на произвол судьбы — и ведь это, видит бог, происходит уже не впервые!

«Вертихвостка, — пылко обругала ее Мишо, — дешевая маленькая вертихвостка!»

В этот момент зазвонил телефон.

Один аппарат стоял на кухне, а другой — на стойке бара, но Катрин подумала, что у кузена как раз не было возможности подойти к телефону. Она немного поколебалась — это могла быть Надин, решившая дать о себе знать, а Мишо знала, что Анри всегда старался по возможности скрывать от нее, когда давал своей кузине работу на кухне. Надин сердилась,

когда узнавала об этом, порой даже становилась поистине свирепой. Но телефон продолжал звонить не переставая, и Катрин решительно сняла трубку. Почему она должна все время скрываться? В конце концов, она взялась за ту работу, которую, в общем-то, должна была делать Надин.

Чтобы сразу же отбить ожидаемую атаку, она ответила грубым голосом:

— Говорит Катрин Мишо. — Однако потом до нее дошло, как глупо это выглядело, и она добавила: — Кафе «У Надин».

К ее облегчению, это была не жена ее кузена, а Лаура Симон из Германии. Ее голос звучал ужасно. Что-то ее очень тревожило.

Когда разговор закончился, Катрин на минутку присела на кухонный стул и закурила сигарету. Анри не любил, когда она курила на кухне, а кроме того, врачи рекомендовали ей держаться подальше от никотина, поскольку это могло ухудшить ее заболевание. Но ей нужно было иногда небольшое расслабление, а болезнь все равно не проходила — хоть с сигаретами, хоть без них.

Лаура Симон. Мишо пару раз видела эту женщину с мужем в кафе Анри, когда Надин отсутствовала и Катрин нужно было в очередной раз заменить ее. Кроме того, она однажды встретила их обоих в старом районе Ла-Сьота, и они настояли на том, чтобы она выпила с ними чашку кофе. Катрин нравилась эта пара, но, как и всегда, она не могла воспротивиться чувству глубокой зависти по отношению к Лауре, потому что та жила в счастливом браке и у нее было красивое лицо и гладкая кожа.

На кухню вошел Анри. Он на мгновение сморщил лоб из-за сигареты, но ничего не сказал. Его кузина поднялась и загасила окурок в умывальнике. Хозяин кафе вытер пот со лба.

— Кто звонил? Надин? — спросил он.

«Как же он боится!» — с жалостью подумала Катрин.

— Лаура, — ответила она. — Лаура Симон из Германии.

Произнося эти слова, Мишо внимательно смотрела на своего кузена. Его лицо чуть заметно скривилось, и внезапно он побледнел еще больше.

— Лаура? А что она хотела?

— У нее пропал муж. Она нигде не может его найти, а последнее, что он, насколько она знает, собирался сделать, — это прийти сюда поесть. Вчера вечером.

— Он был здесь, — ответил Анри, и любой, кто его знал, мог заметить, что его голос звучал несколько преувеличенно равнодушно. — Перекусил немного, а затем ушел. Довольно рано.

— Тебе надо перезвонить ей и сказать об этом. Она страшно переживает.

— Но мое сообщение вряд ли ей поможет. — Анри положил на керамические тарелки две огромные пиццы. — О боже! Как же люди сегодня жрут! Только поспевай! Я перезвоню, Катрин. Но попозже. Сейчас я просто не могу.

Когда Лаура нашла ключи от офиса, уже наступила вторая половина дня и наконец перестал лить дождь. Она искала ключи чисто механически, как робот, которому дали

приказ и который исполняет его, не переспрашивая. Звонок Кристоферу вселил в нее глубокую неуверенность, а звонок в кафе «У Надин» ни на шаг не продвинул ее вперед. После всего этого у Лауры подкашивались ноги и тряслись руки, но в конце концов она села и строгим голосом приказала себе не терять самообладания.

— Мне надо подумать, что предпринять в первую очередь, — громко сказала женщина.

Она бы с удовольствием сейчас же села в машину и поехала на юг, но было уже слишком поздно, чтобы еще засветло добраться до Ла-Кадьера. К тому же Лауре казалось, что лучше не брать с собой Софи, так что надо было найти кого-нибудь, кто побыл бы с ней.

— Значит, я могу поехать только завтра, — произнесла она все же громко. — И что же мне делать весь этот оставшийся ужасный день?

Лаура знала, что ей нужно было что-то делать — что-нибудь, что приблизило бы ее к Петеру, что было бы связано с ним. Что-нибудь, что хотя бы отдаленно объясняло, почему он внезапно скрылся. Лаура выбрала слово «скрылся», потому что «пропал» звучало слишком угрожающе и таило в себе слишком много страшных вариантов.

Она заглянула в его шкафы и ящики комода, но не обнаружила ничего, что выглядело бы иначе, чем обычно. Затем порылась в секретере в рабочем кабинете, но Петер пользовался им крайне редко, и его жена находила только вещи, которые напоминали ей о ее бухгалтерской работе для офиса — старые листки с заметками, отрывные блокноты, которые использовались как записные книжки, тетради... Кроме того, ей попались удостоверения и экзаменационные свидетельства из школы по фотомастерству, но она быстро положила их обратно в ящики.

В какой-то момент ей пришла в голову идея поехать в офис Петера. В конце концов, он ежедневно проводил там много часов, и если она что-то найдет, то именно там.

Большую связку всех своих ключей Петер, конечно, возил с собой, поэтому Лаура лихорадочно искала запасной ключ — и в конце концов нашла его в кухонном шкафу, в стеклянной банке для домашних заготовок. Она одела Софи, взяла свое пальто и сумку и покинула дом.

Улица в богатом пригороде Франкфурта дышала аристократической добротностью и очень большими деньгами. Все дома располагались на паркообразных участках, которых часто было совсем не видно за ведущими в сад высокими воротами из кованого железа.

На широких въездах были припаркованы дорогие лимузины. Здесь проживали в основном фабриканты и банкиры. Анна каждый раз морщила нос, когда навещала Лауру.

— Не сердись, — как-то сказала она своей подруге, когда та еще только поселилась в этом месте, — но я бы здесь даже дышать не смогла. Все это богатство, выставленное напоказ...

— Здесь никто не кичится богатством, — возразила — Лаура. — Я считаю, что этот район обустроен с большим вкусом.

— Но здесь ничто не шевелится! Каждый дом похож на крепость! Высокие заборы, ворота, сигнализации и камеры слежения... — Анну передернуло. — Разумеется, здесь все демонстрируют свою важность! Но здесь ничего не происходит! Нет детей на улице. Только нешумные машины. Никаких звуков с участков. У тебя не возникает порой чувство, что ты здесь заживо похоронена?

— Петеру так лучше!

Анна упрямо взглянула на Лауру.

— А что насчет *тебя*? Ты, собственно, где сидишь — там, где тебе хотелось бы?

Теперь Лаура попыталась вспомнить, *что* ответила на это. Она подумала, что тогда как бы немного съезжилась... возможно, больше мысленно. Вопрос подруги что-то задел в ней, что-то, о чем она не хотела думать. Лаура знала, что их жизнь в целом протекала так, как представлял себе Петер, а не она, но обычно ей удавалось внушить себе, что кто бы из них ни принимал решения, как им жить, в этом не было большой разницы. В основных пунктах у них с Петером были схожие взгляды, поэтому ей не нужно было обдумывать именно этот момент. Однако именно муж предложил переезд в этот пригород, и Лаура тогда была не особо восхищена его предложением. Сама идея о доме с садом ей нравилась, но она предпочла бы более оживленный и не такой дорогостоящий район. Софи в то время еще не было на свете. А теперь Петер постоянно обращал внимание супруги на то, каким умным был тогда его замысел.

— Чудесный уголок, где может вырасти ребенок, — с удовольствием говорил он, — свежий воздух, просторные сады, и почти нет транспорта на улицах. Я думаю, что мы тогда приняли правильное решение.

Но и во Франкфурте, в центре города, в этот воскресный день особо ничего не происходило. Было мало машин и мало гуляющих, потому что небо сулило много нового дождя, и большинство горожан, вероятно, решили остаться в своих домах.

Офис Петера находился на восьмом этаже высотного здания прямо на Цайль. Лаура заехала в подземный гараж и поставила машину на парковочное место мужа. Софи вытянула головку и приподнялась на своем детском сиденье в задней части салона.

— Папа! — радостно воскликнула она.

— Нет, папы нет, — объяснила Лаура. — Мы только ходим в его офис, потому что мне нужно кое-что посмотреть в его вещах.

Они поднялись на лифте вверх. Обычно здесь повсюду царили оживление и спешка, но сегодня в здании словно все вымерло. В длинных коридорах было тихо и пустынно. Пахло моющими средствами и ковролином, который настелили здесь только несколько недель назад. Лаура считала, что это новое покрытие совершенно не отличалось от предыдущего. Светло-серый цвет, без какой-либо фантазии...

Петер делил восьмой этаж с одной адвокатской конторой. Ее сотрудники пользовались тем же входом, что и он, сразу напротив лифта, но в центре коридора была еще одна дверь, которая вела к их помещениям.

Петер занимал меньшую часть этажа, но кроме него здесь были еще две сотрудницы и его секретарша. Агентство печати, «маленькое, да удаленькое», как он обычно говорил. Лаура знала — но, конечно, никогда не высказала бы это вслух, — что агентство ее мужа было маленьким, но никак не удаленьким.

Из окна комнаты Петера открывался вид на Франкфурт — вплоть до расплывчатых серо-голубых линий Таунуса [\[1\]](#), которые, правда, теперь были скрыты завесой дождя. Но у Лауры сегодня так и так не было желания смотреть в окно. Она посадила Софи на пол и достала принесенную с собой упаковку с кубиками и пластмассовыми фигурками, которые, как она надеялась, должны были на какое-то время занять малышку. Затем женщина села за письменный стол и на мгновение уныло уставилась на гору громоздившихся перед ней бумаг. Из-за этой горы маленьким краешком выглядывал уголок серебряной рамки с фотографией, изображавшей ее и Софи, которую Лаура подарила мужу на последнее Рождество. Снимок был почти полностью закрыт папками и возвышающейся стопкой писем. Петеру нужно было только чуточку переставить ее, и тогда он всегда мог бы ее видеть. Но, вероятно, ему не

пришла в голову эта идея. Или же у него не было потребности в том, чтобы смотреть на жену с дочкой.

После часа интенсивных поисков во всех ящиках и папках Лаура нисколько не продвинулась к ответу на вопрос, где мог быть Петер и что могло произойти. Только одно показалось ей странным: она обнаружила невероятное множество предупреждений, которые, по всей видимости, касались целого ряда неоплаченных счетов. Было несколько спокойных с заголовком «Первое предупреждение» и настойчивых «Вторых предупреждений», а также целый ряд угрожающих сообщений о том, что против Петера будут предприняты шаги в судебном порядке. Видимо, он постоянно доводил все до крайности, хотя часто речь шла не о таких уж больших суммах, оплата которых не представляла собой никаких трудностей.

«С тех пор, как я не занимаюсь бухгалтерией, — подумала Лаура с некоторым удовлетворением, — дело не клеится».

Петер всегда был небрежен, когда дело касалось оплаты, будь то слесарная работа, или заказанные ящики с вином, или же заполнение налоговой декларации о доходах с оборота. Или платы алиментов на сына. Его проблема заключалась не столько в самой оплате счета, сколько в нежелании заполнять какие-то формуляры. Банковские перечисления были для него ужасом. Он так долго откладывал их оплату, что в конце концов на самом деле забывал о них, и только рассерженные письма его кредиторов вновь напоминали ему о долгах.

Лаура отсортировала все предупреждения и отложила их на один угол письменного стола. Кому-то из кредиторов придется подождать возвращения Петера, но были там и такие, кому надо было заплатить без отлагательств. Женщина оглядела офис, словно надеялась на стенах найти какие-нибудь следы и намеки на происходящее. Но там ничего не было — только между окнами висел календарь с художественными репродукциями. А больше Лаура не могла увидеть ничего, что могло бы дать объяснение о намерениях Петера.

В прошлом году она как-то подарила мужу картину в серебряной рамке — титульный лист одного крупного немецкого иллюстрированного журнала. Агентство печати Петера отправило им фотографии с рассказом — это был большой успех, один из его самых крупных успехов за последнее время. Лаура была уверена, что он повесит эту картину на стену, но теперь нашла ее в одном из ящиков стола глубоко зарытой под другими бумагами. Почему Петер в буквальном смысле слова спрятал ее? Это вызвало в его жене разочарование и обиду.

Петер основал свое агентство печати шесть лет назад. Он тогда работал в одной региональной газете и из-за чего-то поссорился с главным редактором; после этого у него уже не было надежды добиться там успеха. И вдруг у Петера появилось огромное желание открыть собственное дело.

— Я наконец-то хочу делать то, что я хочу и что я считаю правильным, — заявил он, — и видит бог, я достаточно взрослый, чтобы быть себе хозяином.

Его агентство поставляло фотографии и тексты газетам и журналам. Кое-что они делали на заказ, но многое производилось и предлагалось на собственный страх и риск. В основном Петер в последнее время сотрудничал с «желтой» прессой, поставляя ей портреты артистов и исполнителей шлягеров. Лаура знала, что сейчас его ограничивали гораздо больше, чем когда-либо: редактора бульварных иллюстрированных журналов сильно изменяли его тексты.

— Они оболванивают людей, — часто говорил Петер. — Боже, неужели читатели действительно такие слабоумные или они принимают их за таковых?

«Все это не так просто для него, — думала Лаура, — ведь это, собственно, далеко от

журналистики, которой он когда-то хотел заниматься».

Она увидела, что на улице опять пошел дождь. Было ясно, что этот мрачный, отвратительный день уже точно не просветлеет. Было половина пятого. Но поскольку все говорило о том, что на следующий день Лауре придется отправиться в Прованс, сейчас ей надо было всерьез позаботиться о том, чтобы куда-то пристроить Софи.

Она собрала разбросанные игрушки малышки и услышала за дверью какой-то звук. Кто-то вставил в дверь ключ и повернул его. На какое-то мгновение у женщины промелькнула в голове нелепая надежда, что это, возможно, Петер, вернувшийся, чтобы сделать какую-то важную работу, но уже в следующее мгновение она поняла, что это была абсурдная мысль.

Лаура встала.

— Эй? — вопросительно окликнула она дверь.

Нежданном гостем оказалась Мелани Деггенброк, секретарша Петера. Она так испугалась, что лицо ее мгновенно побледнело.

— О боже! Лаура!

— Извините, — жене Петера показалось, что она выглядит по-дурацки, стоя в офисе своего мужа и держа в каждой руке по кубику, с видом взломщика, которого застали врасплох. Но едва она извинилась, как тут же рассердилась на саму себя. За что она, собственно, просит прощения? Она была супругой шефа и имела по крайней мере такое же право находиться здесь, как и Мелани.

— Я искала здесь документы, — быстро объяснила она, одновременно прикидывая, стоило ли ей довериться секретарше. Признание в том, что ее собственный муж бесследно пропал, могло привести к чрезмерно щекотливому положению, а Лауре не хотелось стать объектом насмешек в офисе. С другой стороны, Деггенброк изо дня в день тесно работала с Петером. Это была пугающая мысль, но, возможно, она знала о нем больше, чем его жена.

— Я могу вам помочь? — спросила Мелани. — Или вы нашли то, что искали?

Лаура подстегнула себя.

— Я, собственно, точно и не знаю, что ищу, — объяснила она, — это касается одной информации...

И она быстро рассказала о том, что произошло.

— Может быть, мне уже мерещатся опасности, но мне кажется, что здесь что-то не то. Я подумала, что, может быть, наткнусь здесь на нечто, что поможет мне дальше, но... — Лаура пожала плечами. — Но я ничего не нашла.

Мелани посмотрела каким-то особенным пустым взглядом мимо нее.

— Как сильно подросла ваша дочка, — сказала она, но это прозвучало так, что было ясно: она вовсе не интересовалась Софи. Скорее было похоже на то, что секретарь пыталась что-то ответить, не комментируя положение Лауры. — Когда я видела ее в последний раз, она только-только родилась.

«Так долго меня уже не было здесь!» — подумала Лаура.

— Бедняжка, — сказала она вслух, — значит, вам приходится даже в воскресенье работать?

— При такой погоде, это, возможно, самое разумное, — ответила Деггенброк.

Лаура знала, что примерно три года назад муж Мелани бросил ее из-за другой женщины и что она не смогла этого пережить и была очень одинока. Каким могло быть для нее такое

дождливое воскресенье?

— Ну что ж, — наконец произнесла Лаура и взяла Софи на руки. — Тогда мы постараемся вернуться домой. — Видимо, Мелани так и так ничем не могла ей помочь. — Малышке надо срочно в кровать, — добавила она. Тут ей пришла в голову еще одна мысль, и женщина кивнула в сторону письменного стола: — Я нашла целую гору неоплаченных счетов. Вы не могли бы позаботиться об этом? А то, боюсь, через пару дней здесь появится судебный исполнитель.

Она не знала точно, чего ожидала, сказав об этом. Наверное, какую-то реплику о слабости Петера и о том, что она постарается уладить это дело. Но вместо этого пустой взгляд секретарши мгновенно стал колючим. Она уставилась на Лауру, и ее глаза вдруг потемнели от злости.

— А с чего мне это оплачивать? — выпалила она. — Может, вы подскажете мне, с чего?

Обе женщины уставились друг на друга в молчании, и даже Софи перестала бормотать. Не было слышно ни звука, кроме шума дождя за окном.

— Что? — спросила наконец Лаура хриплым голосом. Какая-то часть ее сознания поняла смысл только что сказанного, но другая часть противилась этому. — Что? — повторила женщина.

Лицо Мелани вновь стало непроницаемым. Она выглядела так, словно с удовольствием взяла бы обратно вылетевшие у нее слова. Но потом секретарь, видимо, поняла, что уже поздно. Она опустила руки и теперь стояла в такой позе, словно сдавалась жене своего босса.

— Да что уж там, — произнесла Деггенброк, — теперь уже все одно. Рано или поздно вы все равно это узнаете. Я сегодня пришла сюда не для того, чтобы поработать. Я хотела забрать свои личные вещи. Мне придется подыскать себе другую работу, но я хотела сделать свой уход как можно незаметнее, потому что две другие сотрудницы еще ничего не знают. Мне не хотелось, чтобы именно я вам об этом сказала. Это дело шефа.

— *О чем* сказала? — спросила Лаура хрипловатым голосом.

— Мы обанкротились, — ответила Деггенброк. Ее голос звучал безучастно, но глаза выдавали, как сильно ее это волновало. — Фирме пришел абсолютный конец. Предупреждения, которые вы нашли, не означают небрежность, они всего лишь свидетельствуют о неплатежеспособности. Я уже два месяца не получаю зарплаты — и знаю, что те двое в этом месяце уже тоже ничего не получают. Я хотела быть преданной Петеру, но... мне тоже надо на что-то жить. Я задолжала по квартплате. У меня больше не остается выбора.

— О боже... — прошептала Лаура. Она опять опустила Софи на пол, а сама прислонилась к краю письменного стола. — Насколько все плохо?

— Хуже, чем вы себе, вероятно, можете представить. Он все заложил. Всю свою собственность. Банки уже несколько недель гоняются за ним.

— Всю свою собственность? Значит ли это... что и наш дом тоже?

— Оба дома — и тот, что во Франции, который он и не мог себе позволить. Он не может погашать банковские кредиты, для оплаты процентов ему пришлось взять новые кредиты... По-моему, у вас не осталось ни одной черепицы и ни одного оконного стекла, которые не были бы описаны. И плюс ко всему...

Софи радостно взвизгнула. Лауре пришлось обеими руками держаться за письменный стол.

— И плюс ко всему что? — спросила она.

— Покупка акций, на которых он в основном прогорел. Недвижимость на Востоке, которую потом невозможно было сдать в аренду и которую ни один человек не пожелал у него перекупить. Эти дома теперь стоят пустые, и они еще не оплачены. Он позволял каждому идиоту уговорить себя на так называемые «первоклассные инвестиции», всегда считал себя особенно умным управляющим. Но... в общем...

— Да вы понимаете, что говорите? — охнула Лаура.

Мелани медленно кивнула.

— Мне очень жаль. Вы не должны были узнать обо всем этом таким образом. И уж тем более от меня. Я ведь была единственной, кто обо всем знал, и, конечно же, он не мог скрыть это от меня, я же его секретарша. Мне пришлось поклясться ему, что я никому даже словом не проговорюсь. И прежде всего вам. А теперь я нарушила свое обещание, но думаю, что в данной ситуации это совершенно неважно.

Лаура сморщила лоб. Деггенброк намеревалась прекратить работать на Петера, и поэтому для нее, возможно, было и неважно, что она нарушила свое обещание. Тем не менее Лаура предчувствовала какой-то скрытый смысл в словах «в данной ситуации...».

Мелани тем временем уставилась на нее.

— Ну, вы что думаете, мы его еще когда-нибудь увидим? Вы или я? Вы же только что сами рассказали мне, что нигде не можете его застать. Он скрылся, это же ясно. Я не думаю, что он вообще еще находится в Европе. Он больше не объявится.

Значит, вот какое бывает ощущение, когда мир под ногами рушится... Все произошло как-то странно бесшумно, без каких-либо раскатов грома, а Лаура всегда представляла себе, что конец света происходит очень шумно. Как землетрясение, при котором все обрушивается с невероятным грохотом.

Это же было скорее похоже на тихие толчки. Земля покачнулась, и повсюду появились трещины, которые все больше и больше раздвигались, превращаясь в смертельные пропасти. Так глухо, не издавая совершенно никакого звука, как будто она сидела перед телевизором и смотрела фильм о катастрофе с выключенным звуком, чтобы легче было переносить увиденное. Иначе было бы очень громко. Слишком громко, чтобы можно было выдержать хоть минуту.

— Вам, наверное, лучше присесть, — голос Мелани звучал как будто бы издалека. — У вас такой вид, словно вы вот-вот упадете.

Свой собственный голос фрау Симон тоже слышала лишь приглушенно.

— Он этого не сделает. Он не может так поступить со мной. И уж тем более со своей дочерью. У нас двухлетний ребенок! Даже если б он оставил меня на произвол судьбы, то уж Софи — никогда. Никогда!

— Может быть, он оказался не тем человеком, за которого вы его принимали, — сказала Деггенброк, и Лаура внезапно подумала: «Ей все это доставляет удовольствие. Ей нравится преподносить мне правду. Озлобленная, стареющая коза!»

Ее отчаяние искало выхода наружу.

— Не у каждой женщины должно все складываться, как у вас, Мелани, — с ненавистью сказала она. — Не у всех мужа внезапно, тайком скрываются. Есть намного более постоянные мужчины. Возможно, Петер пытается уладить все дела — а потом он вернется. Да будет вам известно, мы всегда жили счастливой супружеской жизнью.

Секретарь сочувственно улыбнулась.

— Поэтому вы и были так хорошо проинформированы об этой катастрофе в его жизни,

не так ли? Может случиться, что завтра вас выставят на улицу и вы будете стоять там со своим ребенком, не зная, куда деваться. Я не уверена, что смогла бы говорить о счастливом браке, если б муж поступил так со мной.

— Ваш муж...

— Мой муж изменил мне и бросил меня. Он был дерьмом. И я ничего не приукрашивала.

Злость сжалась в Лауре в комок. Злость, но уже не на эту стоящую перед ней бледную женщину, которая не была виновата в происходящем. А на Петера, который скрыл от нее потерю их средств к существованию. Злость за то, что он поставил ее в такое идиотское положение, за то, что она стояла в его офисе в это дождливое октябрьское воскресенье и оправдывалась перед его секретаршей, что она уже давно жила во лжи и что спасение, вероятно, было уже невозможно. Значит, вот для чего они поженились... Чтобы счастливые дни проводить вместе, а плохие — порознь.

Но она не упадет в обморок, несмотря на то что Мелани это предположила. Силы вновь вернулись к Лауре.

— Я еще раз просмотрю здесь каждый огрызок бумаги, даже если мне придется остаться в этом офисе до завтрашнего утра, — заявила она. — Я хочу знать все. Я хочу в точности узнать все о размерах этой катастрофы, которая, вероятно, в данный момент на меня обрушивается. Вы мне поможете? Офис — это ваше место. Вы здесь в курсе всего.

Деггенброк немного поколебалась, но потом кивнула:

— Ладно. Меня ведь никто не ждет. Не играет роли, где и как я проведу воскресенье.

— Хорошо. Спасибо. Мне надо позвонить. Либо моей матери, либо подруге придется взять у меня Софи. Я отвезу ее туда и снова вернусь. Вы подождете меня?

— Конечно, — ответила Мелани, после чего села за письменный стол Петера и заплакала.

— Папа? — вопросительно посмотрела на мать Софи.

«А это ведь только начало кошмарного сна», — подумала Лаура.

Надин и Катрин встретились у задней двери кафе «У Надин». Жена Анри как раз пришла домой, а его кузина собиралась уходить.

Обе тут же остановились, уставившись друг на друга.

Катрин Мишо тяжело работала на протяжении многих часов и знала, что выглядит еще более неприглядно, чем утром, если это вообще было возможно. Ее волосы закрутились кудряшками от пара, идущего от горячей воды, которой она мыла посуду, и походили на мочалку; прыщавое лицо покраснелось, а одежда покрылась пятнами пота и к тому же отвратительно пахла, и Катрин с горечью подумала, что это как раз подходящий момент встретиться с красивой Надин, которая, несмотря на болезненный и бледный вид в этот день и на то, что она, видимо, плакала, все же была невероятно привлекательной.

Каждый раз, когда Мишо встречала жену Анри, она спрашивала себя в полном отчаянии и со злобой, почему жизнь столь несправедлива и мерзка. Почему кто-то получал все, а другие ничего. Почему же Бог, называющий себя милостивым и с удовольствием позволяющий людям превозносить себя такими словами, не позаботился о том, чтобы все

было более-менее в равновесии?

Если б у Катрин могло исполниться одно желание, то она не пожелала бы ничего другого, как только выглядеть в точности так, как Надин. Не считая, конечно, того, что ее самым большим желанием в жизни было стать женой Анри — однако это желание исполнилось бы само, если бы она выглядела как его теперешняя жена. Как это было возможно, чтобы человек был настолько идеально создан природой? Надин была высокой и при этом грациозной, у нее были стройные ноги, изящные руки... Кожа оливкового цвета не имела ни малейших изъянов, темные, широко расставленные глаза были цвета насыщенного коричневого бархата, и где-то в глубине каждого из них затаенно сверкал золотой огонек. Волосы Надин имели тот же оттенок, что и глаза, — тяжелые, густые и блестящие, они лежали у нее на плечах. Неудивительно, что Анри влюбился в нее. А когда он заметил, что она тоже тянется к нему, то пустил в ход все, чтобы добиться ее. Он был одержим желанием жениться на этой женщине.

— О, Катрин, — Надин первая прервала неожиданное молчание между ними, — ты здесь работала?

— Это был крошечный ад, — ответила Мишо. — Анри не мог справиться один.

— Плохая погода, — рассудила ее родственница, — гонит людей в рестораны.

«Ну надо же, — подумала Катрин, — какие познания!»

— Ну что ж, — сказала Надин, — во всяком случае, это было мило с твоей стороны, Катрин, что ты помогла. Мне пришлось опять навестить свою мать. Ты ведь знаешь, она довольно одинока.

Она посмотрела на лицо Мишо с нескрываемым отвращением, но от комментариев воздержалась.

— Удачно тебе добратся до дома, — добавила Надин, и Катрин была совершенно уверена в том, что на самом деле она вовсе не желала ей ничего хорошего. Ей было совершенно безразлично, как кузина Анри доберется домой, а если б Мишо вообще исчезла бесследно, это и вовсе обрадовало бы Надин.

Катрин медленно прошла к своей машине, которая была припаркована на противоположной от кафе стороне — улицы.

«Интересно, как Анри встретит свою жену, когда она сейчас войдет в дверь? — спросила она себя. — Я на его месте избиваю бы ее до полусмерти! За все, что она себе позволяла в последние годы, за то, как она обращается с ним... Но он-то не сможет этого сделать. Черт побери, когда же он поймет, что это единственный метод, который такие женщины, как Надин, понимают?!»

Анри был на кухне — нарезал овощи для вечера. У него образовалась короткая передышка: обеденный штурм посетителей улегся, а вечерний еще не начался. В зале сидела только одна супружеская пара — они ругались и, видимо, забыли о времени, потому что уже два часа держали в руках свои бокалы с вином и не требовали никакого внимания к себе.

Жоли поднял глаза и увидел Надин.

— Ах, вот и ты... Сегодня было ужасно. Ты была мне очень нужна.

— Но у тебя же была Катрин, — отозвалась его жена.

— Мне не оставалось ничего другого, как попросить ее о помощи. Один я не справился бы.

Надин с грохотом швырнула ключи от машины на стол.

— Именно ее! Ты заметил, как она опять сегодня выглядит? Она отпугнет от нас всех

посетителей. Ведь можно подумать, что у нее заразная болезнь!

— Она находилась только здесь, на кухне. Конечно же, я не допустил бы, чтобы она обслуживала гостей. Но было бы хорошо, если б ты...

Мягкие упреки Анри изрядно действовали его супруге на нервы.

— У меня, чисто случайно, есть еще и мать, — огрызнулась она. — О которой мне время от времени необходимо заботиться.

— По понедельникам у нас выходной. Ты могла бы съездить к ней завтра.

— Иногда мне нужно самой принимать решения.

— Твои решения чаще всего ужасно бесцеремонны.

Надин опять схватила ключи от машины.

— Я могу опять уйти, если ты все равно хочешь только ссориться.

Ее муж положил нож и внезапно показался ей еще более уставшим, чем раньше.

— Останься, — попросил он, — кухню и обслуживание сегодня вечером я один не осилю.

— Я не хочу постоянно слышать твои упреки.

— Хорошо, — Жоли, как всегда, уступил. — Не будем больше об этом говорить.

— Я только быстро вымою руки и переоденусь.

Женщина собралась выйти из кухни, но Анри остановил ее.

— Надин!

— Да?

Мужчина посмотрел на свою жену. Она могла увидеть в его глазах, как сильно он ее любит и как глубоко она ранила его тем, что навсегда лишила своей любви.

— Ничего, — сказал он. — Извини, ничего.

Зазвонил телефон. Надин посмотрела на Анри, но тот с сожалением поднял свои руки, к которым прилипли земля и овощи, так что трубку пришлось взять ей. Это была Лаура. Она спрашивала о своем муже.

* * *

Надин обнаружила машину Петера Симона где-то в ста метрах от «У Надин» на небольшой, скорее всего временной, парковке около трансформаторной будки. Было уже почти совсем темно, но дождь прекратился, небо немного прояснилось, и красное зарево лежало над морем и освещало макушки деревьев. Жоли сразу же узнала машину и подумала: «Почему я не видела ее сегодня утром?»

Движение на улице, на которой располагалось заведение «У Надин», было односторонним, и Надин знала, что должна была проезжать мимо этого места, когда утром отправилась к своей матери. Правда, тогда она была растерянна и полностью погружена в свои мысли.

Вечером в кафе тоже было много посетителей, но, несмотря на это, она отлучилась на минутку, чтобы один раз пройти по улице. Анри был на кухне и ничего не заметил.

Надин не могла ничего ответить Лауре на вопрос о местопребывании Петера, так как весь вчерашний вечер отсутствовала — только это она и сказала, после чего как можно скорее передала трубку Анри. Тот прежде всего извинился, что забыл перезвонить, объяснил, что кабачок был переполнен, а Надин, к сожалению, не было, чтобы помочь...

Его жена стояла у него за спиной, рассматривала нож, которым он нарезал овощи, и думала о том, что ее отвращение к нему доводило ее до болезненного состояния. Отвращение к его нытью, его мягкости, его вечной жалости к себе самому...

А потом она впервые услышала, что Петер приходил в кафе прошлым вечером. Анри рассказывал об этом Лауре.

— Он пришел где-то около... половины седьмого. Здесь было еще не так оживленно. Мы поприветствовали друг друга, но у меня почти не было времени на общение — Надин отсутствовала, а мне надо было приготовить блюда, насколько это было возможно, так как я знал, что у меня позже будет море стресса из-за обслуживания клиентов... Я сказал: «Боюсь, нам предстоит дождливая неделя», — но это, казалось, его не очень беспокоило. Он сел за столик у окна, заказал себе четвертушку белого вина и маленькую пиццу. Что?.. Ну, мне он показался... может быть, несколько погруженным в свои мысли, довольно молчаливым. А может быть, просто уставшим, что и неудивительно после такой долгой дороги. Но я, собственно, и не мог особо размышлять о нем — как говорится, был слишком перегружен работой.

Затем Лаура, видимо, опять что-то спросила, а Анри на мгновение призадумался.

— Мне кажется, что он ушел где-то в промежутке от половины восьмого до восьми. Но точно я сказать не могу. Мы больше не разговаривали друг с другом, а деньги уже лежали отсчитанные возле его тарелки... Ах да, еще я заметил, что он даже эту маленькую пиццу съел только до половины, то есть даже не совсем половину...

Жоли опять замолчал, слушая собеседницу, а потом удивленно спросил:

— Его машина? Нет, она не припаркована около нашего дома, я бы ее увидел. Нет, я не думаю, что она стоит чуть подальше. Сегодня рано утром я проезжал по дороге, так что заметил бы ее. Да почему она должна там стоять? Он вряд ли вчера вечером пошел бы отсюда пешком. — Мужчина вздохнул. — В данный момент я ничего не могу сделать, Лаура, извини. Может быть, завтра... завтра у меня свободный день. Конечно же, я буду держать тебя в курсе. До свидания, Лаура.

Анри положил трубку и обернулся к Надин:

— Нам надо посмотреть, не стоит ли где-то здесь его машина. У нее немного сдают нервы. Но, может быть, это и неудивительно.

— Почему это неудивительно? — не поняла женщина.

Ее муж на мгновение уставился на нее.

— Да неважно, — сказал он затем. — Все это, в принципе, не наше дело.

Надин переоделась и вымыла руки. Вскоре в кафе нахлынули первые вечерние посетители — и больше в тот день у нее уже не было покоя. Мысли у нее в голове путались, и еще никогда раньше ей так сильно не хотелось побыть одной, чтобы упорядочить их.

А теперь Надин стояла около машины Петера Симона и не могла понять, что же могло произойти.

Она заглянула в салон автомобиля. На заднем сиденье лежали дорожные сумки и дождевик, а на переднем сиденье рядом с водительским — папка для документов. Машина выглядела так, словно владелец лишь на минутку оставил ее и скоро вернется. Но где же он?

Это и был решающий вопрос, на который эта внезапно появившаяся машина не давала никакого ответа.

Надин села на пень на откосе берега и устремила свой взгляд меж деревьев на море.

Было уже почти совсем темно.

Ее охватила полная растерянность.

Она заглянула в пропасть, и у нее закружилась голова. И при этом она, вероятно, еще не добралась до самых глубоких точек. Но около двух часов ночи Мелани произнесла:

— Я больше не могу. Извини, Лаура, но я уже совершенно обессилена.

Только тут Лаура Симон заметила, как устала она сама, и вспомнила, что ничего не ела на протяжении этих бесконечных часов.

— Я думаю, что основное нам известно, — сказала она. — Теперь я имею примерное представление о том, что происходит. Мне практически ничего не принадлежит, кроме тех вещей, что сейчас на мне надеты.

Деггенброк подняла на нее глаза.

— Я была бы рада хоть чем-то помочь вам. Отвратительная ситуация, и...

— Отвратительная ситуация? — Симон засмеялась. — Я бы сказала, это катастрофа. Катастрофа такого масштаба, что я просто спрашиваю себя, как я могла *так долго* абсолютно *ничего* не замечать!

— Но ведь все его дела шли здесь, в офисе, а от офиса он держал вас подальше. Он ограничил ваше поле деятельности домом и ребенком и не позволил вам участвовать еще в чем-то. Как бы вы что-то пронюхали!

— Но я, — горько произнесла Лаура, — охотно позволила себя ограничить.

Ей вспомнился разговор, который состоялся теперь уже больше двух лет назад. Это было в один жаркий вечер в начале июня, незадолго до рождения Софи. Они сидели в саду, и Петер вдруг заявил:

— Когда родится ребенок, тебе больше не нужно будет заниматься бухгалтерией фирмы. Это может взять на себя Мелани. Я немного увеличу ее зарплату, и все будет отлично.

Лаура тогда удивилась.

— Но почему? Я ведь делаю отчеты здесь, дома, да еще и не каждый день. Я без проблем могу продолжить это и с ребенком.

— Я считаю это плохой идеей. Тебе следует действительно полностью сконцентрироваться на малышке. Почему ты хочешь взвалить на себя дополнительный стресс?

— Я не думаю, что...

Петер прервал супругу:

— Не забывай, что у меня уже есть один ребенок. Так что, в отличие от тебя, я знаю, что тебя ожидает. Это будет не мед. Бессонные ночи, рев, кормление... у тебя едва найдется время для себя самой, не говоря уже о бухгалтерии фирмы.

У Лауры было тогда такое ощущение, словно ее от чего-то отрезали — от чего-то жизненно важного, чего-то, что еще связывало ее с внешним миром. Казалось, какой-то своеобразный холод медленно охватывает ее, оставляя после себя парализующий след.

Она сделала еще одну попытку.

— Мне необходимо какое-то разумное занятие. И еще нужно иметь немного собственных денег. Я ведь не хожу на работу. Но...

И тут ее муж вытащил из кармана свой последний аргумент, на котором он сыграл, зная, что ей нечем будет опровергнуть его.

— Я не могу позволить себе, чтобы в отчетах допускались ошибки. А ты будешь настолько переутомлена и отвлечена, что обязательно их сделаешь. Понимаешь? Ты мне тогда будешь не в помощь, а в тягость.

Больше Лаура ничего не сказала...

«Как же кстати пришлось ему рождение Софи! — думала она теперь. — У него уже все горело на работе, и он уже недолго смог бы скрывать все это от меня. Ребенок был его спасением. Но он в любом случае нашел бы выход, чтобы оставить меня не у дел».

— Знаете, — произнесла Мелани, наблюдавшая за лицом Лауры, — вам, может быть, не следует так сильно на него сердиться. Он хотел не обмануть вас, а пощадить. Он все время надеялся, что еще сможет все уладить. И не хотел предстать перед вами неудачником. Мужчинам невероятно тяжело признаваться в своих неудачах.

— Для них лучше все скрывать? — мрачно усмехнулась Симон.

— Мужчины — трюсы, — безжалостно заявила секретарша ее мужа.

— Тем не менее, — ответила Лаура, — ему это удалось. Ему действительно удалось скрывать от меня все это бедственное положение, — она указала на письменный стол, — два года или даже больше. В каком же я мире жила?

— В том мире, который он создал для вас, — сказала Деггенброк.

— Который я позволила создать для себя. В такой игре должны участвовать два игрока, Мелани. За кого он меня принимал, если мог позволить себе так обращаться со мной?

— Я не знаю, — с неприязнью сказала секретарь.

«Она очень хорошо это знает, — подумала Лаура. — Возможно даже, они говорили обо мне здесь, в офисе. Эта куколка, эта малышка, эта большеглазая невинность не от мира сего...» Симон могла представить себе, какие титулы ей тут давали. Ей ведь было известно, какое мнение сложилось у Анны об их образе жизни.

Лаура стиснула пальцами одну бумагу. Это был счет, который она нашла в одном из ящиков письменного стола, — счет, который удивительным образом был оплачен. Счет из отеля в каком-то Перуже, где бы этот населенный пункт ни находился. Ей бросились в глаза даты, и хотя сейчас у нее были более важные дела, она взяла себе эту бумагу, чтобы потом когда-нибудь выяснить, при каких обстоятельствах Петер получил это счет. Потому что этот случай она так быстро не забудет.

Это касалось половины недели с 23 по 27 мая нынешнего года. И ссоры между нею и Петером. Раньше у них бывали порой, может быть, и более сильные и бурные скандалы, но еще никогда от Петера не исходил такой холод, еще никогда он не отдалялся от Лауры так далеко.

Четверг 24 мая выпадал на праздник Вознесения, и это давало возможность продлить выходные дни: многие брали в пятницу отпуск, и у них получалось четыре свободных дня подряд.

В понедельник Петер объявил, что на пятницу у него назначена деловая встреча в Женеве. Речь шла о немецком певце шлягеров, проживающем в Швейцарии, который в августе будет праздновать свое пятидесятилетие и хотел бы по этому поводу издать серию аннотированных фотографий. По словам Петера, то, что именно его фирма получила этот заказ, было фантастикой.

— Это действительно жирный кусок, — говорил он. — Мы сможем продать наш

материал практически всем немецким журналам, что означает очень много денег. Поэтому я и не хочу посылать кого-то из двух своих девиц. Я сам все напишу, а кроме того, хочу дать личные указания фотографам. У меня очень специфические представления о том, как все это надо сделать.

Лаура была рада за мужа. В последнее время он мало рассказывал о своей работе и порой казался несколько ушедшим в себя и в свои размышления.

— Ты, наверное, полетишь уже в четверг вечером, — предположила она, — чтобы в пятницу утром сразу начать?

— Я полечу в среду после обеда. В пять вечера. И вернусь в воскресенье вечером.

— А что ты там собираешься делать так долго?

— Четверг мне нужен, чтобы подобрать место. Это касается ландшафтных кулис, соотношения света... ну, ты знаешь. Мы не можем терять на это время в пятницу. Субботу я хочу оставить открытой на тот случай, если мы не успеем все сделать и нам смогут выделить еще один день. А в воскресенье я бы очень хотел — если ты позволишь — посидеть у Женевского озера и немного отдохнуть.

В голосе Петера проскальзывало раздражение, что удивило его жену. Она вовсе не хотела критиковать его своим вопросом.

И тут ей вдруг пришла в голову одна мысль.

— А можно мне с тобой поехать?

— Кто-то должен остаться с Софи.

— Мы могли бы взять и ее. Или моя мать возьмет ее к себе. Это ведь не проблема.

— Послушай. Это не прогулочная поездка. Это тяжелый труд. У нас совершенно не будет времени друг для друга.

Тут супруге Петера пришла в голову новая идея, и она поспешно и опрометчиво выпалила ее:

— Мы могли бы работать вместе. Я могла бы сама сделать фотографии!

— Боже мой, Лаура! Неужели ты думаешь...

Эта мысль наполнила ее огромным воодушевлением.

— Я этому училась. Я была одной из лучших выпускниц. И у меня очень дорогое снаряжение. Я могла бы...

От всей этой радости женщина не заметила, как помрачнело лицо ее мужа. И только когда он резко перебил ее, она поняла, каким рассерженным он был.

— Забудь об этом, Лаура! Мне очень жаль, что приходится говорить тебе это в такой резкой форме, но ты страдаешь одним ужасным недостатком — отсутствием критической самооценки. Ты знаешь, как долго уже не занималась этой работой? Почти столько же, сколько мы вместе, почти восемь лет! Ты знаешь, насколько все изменилось? Ты знаешь, как сегодня работают профессионалы?

— Но я...

— Только не начинай мне теперь про свою подругу Анну, которая держит тебя в курсе всех дел! Даже если тебя это обижает, я скажу: никто не знает о твоей Анне. Она — специалист третьего класса. Я никогда не соглашусь с ней работать!

Этим Петер действительно обидел жену. Она была привязана к Анне больше, чем он предполагал.

— Ты ее всегда терпеть не мог. Поэтому и не работаешь с ней! — заявила Симон.

И эта фраза теперь уже по-настоящему довела ее мужа до белого каления.

— Ты что, считаешь меня настолько наивным? — вскипел он. — Если б я выбирал людей, с которыми работаю, по принципу «нравятся они мне или нет», мне можно было бы сразу бросить свою работу. Если б Анна была хорошим фотографом и хоть немного ориентировалась на то, что пользуется спросом на рынке, вместо того чтобы строить из себя восторженного деятеля искусств, которому ни до чего нет дела, я наверняка время от времени приглашал бы ее на работу. А так мне это и во сне не приснится!

В его словах была доля правды, Лаура это знала. Многим было трудно работать с Анной из-за ее своенравного характера. Слишком часто она игнорировала предварительные договоренности и замечания других. Для такой работы, которую делал Петер, она была совершенно непригодна. Между прочим, со своей стороны Анна тоже никогда не стала бы с ним работать. Журналы, для которых Петер делал снимки, она никогда даже в руки не брала.

— Я не Анна, — сказала Лаура. — Ты знаешь, что я прекрасно могу настраиваться на желаемый продукт.

— Не стоит продолжать, — не захотел слушать ее Петер. — Тебе придется с этим смириться. Следует знать, где проходят собственные границы. А эта история действительно важна. Для этого мне нужен лучший фотограф, которого я смогу найти. И этот фотограф — не ты.

Он причинил ей невероятную боль своими словами, хотя Лаура — а это-то и было самым странным — прекрасно знала, что он прав. Разумеется, она уже слишком долго не занималась этим делом. Она растеряла всю свою сноровку и не знала рынок. Петер не мог рисковать, чтобы при таком выгодном заказе что-то сорвалось.

Но ей причиняло сильную боль то, *как* он это сказал — и поняла она это гораздо позже. Петер был рассержен, но это не оправдывало те холодность и презрение, которые он проявил тогда по отношению к Лауре. Еще никогда раньше он не обращался к ней с *презрением*, и она не знала, чем это было вызвано. Ничто не предшествовало этому: не было никаких событий, которые могли стать этому причиной. Все выглядело так, словно между ними неожиданно возникло что-то ледяное — как в море, когда плаваешь в теплой воде и неожиданно попадаешь в неприятное холодное течение, которое, кажется, вдруг приходит ниоткуда и исчезает в никуда.

Лаура замкнулась в себе, зябко и печально, и больше не стала спрашивать, можно ли ей просто так поехать с Петером и провести в Швейцарии пару хороших дней. Сам он тоже больше ничего не сказал.

Вечер был обречен на молчание и большую дистанцию между ними...

И вот Лаура держала в руках счет отеля в Перуже, на котором была обозначена дата с 23 по 27 мая, и раздумывала: «Перуж? Где это находится? Вероятно, около Женевы».

Женщина чужла какую-то нестыковку, а поскольку она вынуждена была хвататься за любую соломинку, то решила проверить это дело.

У Кристофера Хейманна все еще болела голова, когда он оставил свою машину на парковке в Лес-Лекес и отправился в таверну Жака. Со временем ему вспомнилось, что именно там он провел вчерашний вечер. Жак, владелец таверны, с симпатией относился к нему — он знал, когда Кристоферу хочется поговорить, и был достаточно чутким, чтобы

промолчать, когда на него в очередной раз нападала депрессия.

Дождя не было, но тяжелые тучи низко нависали над морем и не двигались в безветренном воздухе.

«Если б сейчас подул сильный ветер с запада, — подумал Хейманн, — то у нас была бы ясная погода бабьего лета».

Но он не верил, что это произойдет. Погода останется серой и тоскливой.

Несколько мужчин сидели за круглым столом и играли в карты. Они пили кофе и, несмотря на ранний час, неизменно анисовый ликер. Все лишь мельком взглянули на Кристофера, когда он вошел, пробурчали приветствие и снова углубились в игру.

Хейманн сел на свое обычное место, за столик у окна, с которого ему открывался красивый вид на корабли в порту и прямо на школу по парусному спорту, располагавшуюся в низком здании. Владелец таверны, который со своими усиками и вечно жирными волосами походил на стереотипного мошенника с юга Франции из какого-нибудь гангстерского фильма, тут же направился к нему.

— Слава богу, всё в порядке! Я уже считал тебя или раздавленным в лепешку на каком-нибудь дереве, или утонувшим в море. Тебе ни в коем случае нельзя было ехать на машине в субботу!

— Так почему ты меня не удержал? — спросил Кристофер.

Жак взволнованно взмахнул руками. Он всегда с удовольствием говорил не только ртом, но и всеми конечностями, что придавало ему несколько неискренний вид.

— Тебе надо было себя видеть! Мы все здесь тебя уговаривали! Но ты стал поистине агрессивным, кричал, что это твое дело — ехать на машине или нет, попадешь ты в аварию или нет. Я хотел отнять у тебя ключи, так ты дал мне пощечину! — Хозяин таверны с осуждающим видом показал на свою левую щеку. — Что мне еще оставалось делать? Да и другие посетители посчитали, что придется тебя отпустить.

Кристофер начал смутно вспоминать тот вечер.

— Боже, — произнес он, — я тебе дал пощечину?! Извини, честно.

— Да что уж, — великодушно ответил Жак. — Чего не простишь старому другу...

— Это чудо, что я сумел добраться до дома.

— Да уж, действительно... Тебе надо поблагодарить своего ангела-хранителя.

— Ты так думаешь? Я не уверен. Ты же знаешь, я не особенно цепляюсь за жизнь.

— Каждый цепляется за жизнь, — возразил владелец таверны, — это происходит автоматически. Только не всегда знаешь об этом. Ты станешь бороться, как лев, если кто-то попытается убить тебя.

— Нет. Тогда я попрошу его сделать все быстро и безболезненно, но только не отступать от задуманного.

Жак тихо вздохнул. Ему были знакомы эти мрачные настроения приятеля, которым тот регулярно предавался. В такие моменты Хейманн начинал твердить, что хочет умереть и что не может больше выносить бессмысленность своего существования. Часто он уходил, объявляя, что хочет положить конец своей жизни. Это уже никто не воспринимал всерьез, но Жак иногда думал: в один прекрасный день он это сделает. Сделает именно потому, что уже никто в это не верит. Он просто сделает это, чтобы доказать всем, что способен на такое.

Депрессия Кристофера началась в один воскресный сентябрьский день шесть лет назад, когда он вернулся вечером в свой пустой дом в Ла-Кадьере после плавания на своем паруснике. На кухонном столе лежала записка, в которой его жена сообщала ему, что она с

детьми навсегда возвращается в Германию, а кроме того, подаст на развод. Хейманн знал, сколько недовольства и агрессии скопилось за все это время в его браке, но не ожидал, что супруга действительно исполнит свои угрозы покончить со всем.

Семья была для него всем: центром жизни, содержимым жизни, смыслом жизни и будущим жизни.

Он упал в глубокую пропасть.

Больше никто не ждал его с обедом, когда он возвращался домой, никто не согревал его постель по вечерам. Летом Кристофер уже не мог ходить с детьми на пляж поплавать, а осенью — на набережную, чтобы покататься на скейтборде. Больше никаких пикников в горах в теплые весенние вечера, никаких совместных походов в «Макдоналдс», никаких выездов в окрестности к лавандовым полям и лесным долинам. Никаких шумных и обильных завтраков в воскресное утро, и никакого радостного смеха в комнатах. Только тишина, пустота и одиночество. Одиночество, которое часто делало мысль о смерти заманчивой для Кристофера. За все эти годы он не смог справиться с этим переломом в своей жизни.

Жак испытывал искреннее сочувствие к этому мужчине, которого он в широком смысле слова причислял к своим друзьям.

— Я сейчас принесу тебе для начала кофе, — сказал он. — Думаю, он тебе нужен.

— И один анисовый ликер! — потребовал Хейманн.

— Сегодня утром никакого алкоголя, — строго возразил хозяин таверны. — Ты в субботу был на волоске от алкогольного отравления. Тебе следует на какое-то время немного остепениться.

— Я здесь посетитель, Жак. Принеси мне ликер!

Жак вздохнул.

— На твою ответственность. Твоя печень завоет, но ты сам должен знать, что делаешь с ней.

Он отправился на кухню, а Кристофер уставился на стены и с мучительным усилием попытался собрать в своей голове обрывки воспоминаний о вчерашнем вечере. Ему не удавалось создать непрерывную картину. С какого-то момента вечер постоянно проваливался в расплывчатый туман, который невозможно было рассеять.

Жак вернулся с кофе и ликером, и Хейманн спросил:

— Что, собственно, произошло в субботу?

— Ты имеешь в виду, когда...

— Да. Когда я безудержно начал пить. Что послужило причиной?

— Ничего. У тебя была твоя обычная депрессия. Ты пришел сюда около десяти часов и заявил, что жизнь больше не имеет смысла.

— А потом?

Хозяин таверны пожал плечами:

— Потом ты заказал водку. Пил одну рюмку за другой. В промежутках, время от времени, пил виски. Говорил о своих детях и жене. Все было, собственно, так же, как почти в каждый субботний вечер. Выходные дни, ты знаешь, всегда для тебя...

— Не только выходные, — возразил Кристофер. — Бог свидетель, не только выходные. — Он повертел свой стакан туда-сюда, уставившись в налитую в него молочно-белую жидкость, и произнес: — Жизнь — это просто огромная куча дерьма.

— Может быть, нам стоит поговорить, — мягко произнес Анри.

Было начало девятого утра, что являлось непривычным для него — так рано быть на ногах в свой свободный день. Выходные дни, как правило, были тяжелыми, и понедельник он всегда использовал, чтобы наконец как следует выспаться. Однако сегодня Жоли уже в шесть утра покинул дом и отправился на прогулку. Теперь же он вернулся, но выглядел при этом не посвежевшим, а бледным и озабоченным.

Стареющий пекарь пиццы, неприязненно подумала Надин.

Он рано начнет стареть — признаки этого видны уже сейчас. Может быть, он живет слишком напряженно и слишком тяжело работает... Анри был радостным, беззаботным мужчиной, когда Надин познакомилась с ним, броским и симпатичным. Он, который великолепно владел доской для серфинга и водными лыжами, слишком быстро гонял на машине и считался неутомимым танцором на прибрежных дискотеках. Он казался Надин как будто специально созданным для того, чтобы освободить ее от скучной жизни с матерью.

Они оба были юными, привлекательными и жизнерадостными, и очень скоро стали парой. Какое-то время они делали только то, что доставляло им удовольствие: брали напрокат парусные лодки и в полной идиллии проводили все послеобеденное время в бесконечные летние дни в маленьких бухтах вдоль набережной. С десятками своих друзей, такими же красивыми, юными и беззаботными, они устраивали по вечерам пикники на пляже или в горах, жарили там на гриле разные вкусности. Они устраивали дикие гонки на машинах, а вечерами шли рука об руку гулять по набережной Сен-Сира, ели мороженное, и Анри, работавший тогда на кухне одного отеля, мечтал о маленьком ресторанчике-пиццерии, который он когда-нибудь откроет. Он был сыном итальянки и прошел обучение на повара в Италии, и поэтому говорил со свойственным ему чувством собственного достоинства, что он лучший мастер по приготовлению пиццы во всей округе.

— Ты увидишь, нас захлестнут толпы посетителей. Они будут приезжать издалека за моей пиццей, — обещал Жоли своей подруге. — У нас будет самая лучшая репутация, и люди будут рады, если найдут у нас место.

Он был уже твердо убежден, что они вместе проживут жизнь, а Надин в любом случае не стала бы связываться ни с кем, у кого не было бы намерения жениться на ней и предложить ей жилище. Ей нравилась идея стать владелицей маленького, изысканного заведения с интересными гостями и пользоваться известностью и похвалой по всей округе. Они с Анри строили планы и провели жаркое, влюбленное, прекрасное лето, о котором Надин позже всегда думала, что это было самым лучшим временем в их отношениях.

В конце лета, когда наступила очень теплая золотая осень, Анри спросил ее, выйдет ли она за него замуж. Этот вопрос был чистой формальностью, которую он все же исполнил со вкусом, с красными розами и маленьким бриллиантовым кольцом. Надин дала свое согласие, и после этого Жоли вдруг сказал нерешительно:

— Надин, я хотел бы, чтобы ты познакомилась с Катрин. Моей кузиной.

Он уже несколько раз упоминал свою кузину Катрин, но Надин никогда особо не прислушивалась к рассказам о ней. Ну была у Анри кузина, которая жила в портовом районе Ла-Сьота и с которой он, вероятно, был близок, как с родной сестрой.

— Конечно же, я познакомлюсь с ней, — сказала девушка, — ведь она, наверное, придет

на нашу свадьбу?

— Я не совсем уверен в этом. Ты должна знать... Катрин сама очень хотела бы стать моей женой. Боюсь, что здесь до сих пор ничего не изменилось.

— Но я так поняла, что она твоя родственница?

— Такое часто случается. Мы стали бы не первым случаем, когда кузен и кузина женятся... В общем, это ведь разрешается, и, как говорится, случается частенько.

С того момента у Надин появилась антипатия к Катрин. Эта женщина была теперь не просто родственницей ее жениха, она стала соперницей.

— И что, — спросила Надин, — ты ответил на ее чувства? Ты тоже хотел жениться на ней?

— Да я уж точно и не знаю. Может быть, будучи детьми, мы когда-то и приняли такое решение... Мы много времени проводили друг с другом. Мы были как брат с сестрой.

— Но позже ты перестал видеть в ней свою будущую жену?

— Конечно. — Анри посмотрел на возлюбленную с заметным удивлением. — Я так и так никогда не принимал это всерьез. Плюс ко всему... Ну, в общем, ты ее увидишь. Она душа-человек, но... нет, как женщину рядом с собой я бы себе ее и представить не мог.

Потом состоялся отвратительный вечер в ресторане «Берар» в Ла-Кадьере, который оказался настолько дорогим, что Жоли потом еще на протяжении недель стонал о своих деньгах. Вся атмосфера и нервозность жениха вызвали в Надин такое ощущение, словно она должна нанести визит родителям ее мужа, чтобы представиться им, хотя на самом деле она всего лишь знакомилась с какой-то там его кузиной.

Но, во всяком случае, Надин сразу же поняла, что Катрин Мишо как женщина не представляла собой серьезной конкуренции. Ростом метр восемьдесят восемь, широкоплечая и с широкими бедрами, она была похожа на бесформенную неуклюжую колоду. Надин посчитала ее просто безобразной — не только скучной, невзрачной или непривлекательной, а по-настоящему уродливой. Причем Катрин в этот вечер находилась в той фазе, когда ее кожное заболевание как раз только утихло, так что изрядное количество косметики и выгодное освещение — горели свечи — помогли ей более-менее скрыть самые скверные шрамы. Правда, Надин уже тогда посчитала, что у неуклюжей колоды вдобавок ко всему еще и плохая кожа, но всего масштаба разрушительного действия, которое уже совершило заболевание Мишо, она не заметила.

Атмосфера с первой минуты была напряженной. Катрин сидела с таким лицом, словно была главной героиней в греческой трагедии. Анри непрестанно и слишком усердно говорил, и из всего, что было им сказано, основная часть была настоящей чушью. С тех пор, что они были вместе, у Надин впервые появилось подозрение, что между ними существовал интеллектуальный перепад, и это чувство разочаровало ее. На следующий день она сказала себе, что причиной того, что Анри так безмозгло и легкомысленно болтал, было его волнение, и только много позже она осознала, что в тот вечер в «Бераре» интуиция не подвела ее: интеллектуально Жоли уступал ей, и это с самого начала было слабым местом в их отношениях, которое потом сыграло решающую роль в их отдалении друг от друга.

Надин знала, что Катрин возненавидела ее с первой минуты знакомства, и не видела причин, чтобы не ответить ей тем же. В принципе, она испытывала бы только жалость по отношению к несчастной женщине, к которой за всю жизнь не проявит интереса ни один мужчина, но поскольку Мишо относилась к ней с нескрываемым презрением, то и она в конце концов стала реагировать на нее только с отвращением. Неужели эта мерзкая личность

и в самом деле верила, что может получить в мужья такого мужчину, как Анри? Она, вероятно, страдает болезненной переоценкой своих возможностей.

На свадьбу Катрин не явилась, так что со стороны семьи Анри не было вообще никого. Отца его уже давно не было в живых, а мать, урожденная итальянка, вернулась к себе на родину и уже не решалась на поездку из Неаполя в Кот-де-Прованс.

— У тебя действительно больше никого нет на земле, кроме матери и Катрин? — спросила Надин поздно ночью, когда закончилось праздничное застолье с большим количеством шампанского и они вместе лежали в постели в квартире Анри в Сен-Сире.

Жоли зевнул.

— Есть еще одна старая родственница. Двоюродная тетя или что-то в этом роде, по линии отца. Она живет в Нормандии. У меня уже много лет нет с ней контакта. Катрин иногда навещает ее.

Эта старая тетя, о которой Анри едва ли помнил, как ее зовут, оказалась решающим стрелочником в их с Надин жизни. Примерно через год после свадьбы старушка умерла и оставила после себя приличную сумму денег, которая, по ее завещанию, должна была в равных частях быть поделена между последними оставшимися у нее родственниками, Катрин и Анри. Это было, конечно, в высшей степени несправедливо, потому что Катрин регулярно заботилась о ней, а Анри у нее ни разу не появлялся. Но оспорить завещание и посягнуть на большее было нельзя. Каждый получил свою долю. Катрин уволилась с работы у одного нотариуса — ее и без того уже давно болезненно задевало шушуканье коллег, для которых она так никогда и не смогла стать «своей». Катрин купила эту мерзкую маленькую квартиру в Ла-Сьота, а остаток своей доли удачно положила в банк с таким расчетом, чтобы прожить на них несколько лет при скромном образе жизни. Кроме того, у нее были вполне конкретные представления о том, каким образом она сможет отныне улучшить свои доходы.

А Анри использовал свои деньги на покупку небольшого заброшенного трактира в Ле-Люке, одном из районов Ла-Сьота, расположенном на самой окраине. В этом домике, который отделяла от моря лишь узкая дорога, на первом этаже располагались просторная, но совершенно недостаточно оборудованная кухня и большой зал для посетителей с баром и крошечным туалетом. На втором этаже находились три маленькие комнаты и ванная, а также узкая, крутая лестница, похожая на куриный насест. Она вела в мансарду, которую в летнее время можно было бы также использовать в качестве печи.

Снаружи располагался сад с вымощенными дорожками и красивыми старыми оливковыми деревьями. Анри был в восторге.

— Это золотое дно, — говорил он Надин, — настоящее золотое дно!

Однако его жена была настроена скептически.

— Почему же тогда все так запущенно? — поинтересовалась она. — Деньгами эта штука уж действительно не пахнет.

— Владелец был очень старым. Он уже много лет был не в состоянии как следует содержать все это. У нас все будет иначе, вот увидишь!

Денег на покупку дома хватило, но пришлось взять довольно большой кредит, чтобы привести все в нужный порядок и заказать кухню со встроенным оборудованием, которая бы соответствовала представлениям и запросам Анри. Много лет они выплачивали этот кредит и проценты.

Эта кафешка, которую Жоли назвал «У Надин», даже в мелочах не соответствовала представлениям его жены о собственном ресторане. Она видела все совсем не так: более

«феодално», шикарно. Ей казалось ужасным ютиться в паре комнат над кухней и стойкой бара, а над собой иметь лишь эту кошмарную мансарду, которую к тому же время от времени сдавали жильцам. Но отдельная квартира обошлась бы слишком дорого, да и сдача комнат внаем все же приносила несколько франков, которые были им очень нужны. Анри, который, конечно же, знал, что все это Надин не нравилось, постоянно твердил, что это кафе — только начало.

— Всегда все начинают с маленького. Когда-нибудь мы купим ресторан-люкс в Сен-Тропе, это я тебе точно говорю.

Со временем Надин поняла, что этого не произойдет никогда. В «У Надин» всегда было многолюдно, но денег им с мужем хватало лишь на то, чтобы более-менее беззаботно жить — при условии, что запросы останутся в приемлемых рамках — и чтобы содержать заведение на плаву. Им никогда не удавалось отложить что-то про запас. А ресторан для гурманов в Сен-Тропе отодвигался все дальше в будущее, и в какой-то момент Надин поняла, что если все будет идти согласно представлениям Анри, то они до конца своих дней проживут в Ле-Люке и будут таскать пиццу и пасту из кухни в зал для посетителей и пустые тарелки обратно. Потому что *он* любил «У Надин». Это кафе значило для него все, и добровольно Анри никогда оттуда не ушел бы.

Да и Катрин уже забронировала себе там местечко. Как выяснилось, она договорилась с кузеном, что будет ежедневно выполнять в «У Надин» подсобную работу. Мыть посуду, делать уборку и — в зависимости от стадии ее заболевания — обслуживать посетителей. Хотя Надин противилась этому со всей своей горячностью.

— Я не хочу ее здесь видеть! Эта женщина ненавидит меня, как чуму! Я не хочу быть под одной крышей с человеком, который, как я знаю, посылает меня к чертям. И который хочет завладеть тобой!

— Но я обещал ей это, — скривился в ответ Анри, — иначе она не уволилась бы со своей работы.

— Это не моя проблема. Мне никто об этом ничего не говорил. Иначе я сразу дала бы вам с ней понять, что из этого плана ничего не выйдет.

— Но нам ведь нужен подсобный работник.

— Их полно, как морского песка. Необязательно брать Катрин.

— Для Катрин это не только вопрос заработка денег. Она просто глубоко одинокий человек. Почти нереально, что она когда-нибудь сможет создать собственную семью. Будь великодушной и позволь ей хоть немного принять участие в нашей жизни!

— Она первая меня отвергла, а не наоборот. Я просто не желаю ее присутствия здесь. Пожалуйста, будь добр считаться с этим!

— У тебя ведь всего намного больше, чем у нее. Ты могла бы...

— Да что у меня, собственно, есть? — горько спросила Надин. — Эта проклятая будка для пиццы, как колода на ноге... И всё!

Вскоре все обустроилось таким образом, что Анри стал время от времени брать свою кухню в помощь, когда Надин отсутствовала, а в остальное время им помогали разные девочки из близлежащих сел. Для Катрин это было, конечно, далеко не тем, к чему она когда-то стремилась, но она соглашалась на такие условия, потому что это было единственным, что она могла получить. Однако ее ненависть к жене кузена усиливалась с каждым днем, и та знала об этом. Надин намеренно игнорировала тот факт, что ненавистная кухня частенько пребывала в «У Надин», так же как и то обстоятельство, что по служебным

проблемам и вопросам Анри гораздо больше предпочитал в качестве своего доверенного лица Мишо, а не собственную жену.

Может быть, думала иногда Надин, за это время он уже давно пришел к выводу, что было бы разумнее жениться на Катрин, чем на ней. Эти двое готовы были отдать свою жизнь и умереть ради этого идиотского кабачка, который тогда назывался бы «У Катрин», а уж ради этого Катрин позволила бы четвертовать себя живьем...

— О чем ты хочешь со мной поговорить? — спросила Надин мужа.

Она стояла на кухне и как раз сделала себе чашку чая. Обхватив обеими руками горячий бокал, женщина не могла понять, что было причиной наполнявшего ее озноба: то ли прохладный утренний воздух, который вливался через открытую дверь, выходящую в сад, то ли внутренний холод, исходивший из ее души.

— Я думал, ты знаешь, — промолвил Анри. — Я имею в виду, знаешь, о чем нам следует поговорить.

— Я не испытываю потребности в разговоре, — заявила Надин и еще крепче сжала пальцы вокруг бокала. Тонкий фарфор уже треснул бы о такого обращения, но толстая керамика выдержала. — Если ты хочешь поговорить, то уж должен сказать, о чем!

Жоли уставился на нее. Он выглядел уставшим и старым. Или, может быть, не то чтобы старым в свои тридцать шесть лет, а истощенным. Да, он был уставшим и истощенным. И очень уязвимым.

— Нет, — вяло проговорил он, — это должно исходить от тебя. Я не смогу начать. Это все... слишком ужасно.

Его супруга пожалала плечами. Внутренне она была напряжена и дрожала от холода, но при этом понимала, что внешне должна казаться невозмутимой. Всегда было так: чем больше какая-то ситуация волновала ее, тем больше ее лицо становилось похожим на маску. В глазах угасал огонек, правильные черты лица становились неподвижными, словно высеченными на камне, и те, с кем Надин в этот момент разговаривала, должно быть, думали, что она специально провоцирует их своей заостренностью.

Анри знал ее уже много лет, но так и не смог понять эту ее особенность. Он видел только ее недружелюбную мину и думал: в один прекрасный день я обморожусь об эту женщину.

И знал, что уже давно обморозился.

И что она никогда по своей инициативе не придет к нему поговорить.

Как в это прохладное октябрьское утро, так и в любое другое в будущем.

В понедельник мать Лауры появилась у дочери в десять часов утра, чтобы вернуть ей Софи и разузнать, что та планирует делать. Накануне вечером Лаура неожиданно привезла ей внучку и что-то невнятно пробормотала о «чрезвычайной ситуации», добавив, что, возможно, ей придется на короткое время съездить на юг Франции. Она спросила, сможет ли ее мать взять малышку еще на неделю, и Элизабет Брандт, не понимающая, что могло произойти, была полна решимости все разузнать.

Лаура открыла матери дверь, держа трубку возле уха. Она как раз набрала номер отеля в Перуже и нарвалась на какую-то нудную женщину, пообещавшую переадресовать ее дальше.

Незадолго до этого она нашла Перуж на карте — это недалеко от Лиона. Расстояние до Женевы показалось Лауре слишком большим, чтобы представить себе, что Петер проживал в Перуже и три дня подряд ездил в Швейцарию, чтобы заниматься там своей работой. Ей вдруг стало холодно, и в ней зародилось предчувствие, что груды развалин в ее жизни могут оказаться гораздо крупнее, чем ей казалось после вчерашнего ужасного дня.

— Я не понимаю, почему тебе внезапно понадобилось на юг Франции, — сказала Элизабет вместо приветствия. — Кажется, Петер плавает там на паруснике со своим другом. А тебе что там надо?

— Сейчас, мамочка. У нас проблемы с домом. — Лаура указала матери на дверь, ведущую в гостиную, и та прошла туда с Софи на руках. Сама же она осталась в прихожей. Элизабет не говорила по-французски и не могла понять телефонный разговор дочери.

Симон слышала, как мать разговаривала с Софи в зале. Малышка визжала и смеялась — она была очень привязана к своей бабушке.

На другом конце провода наконец ответила консьержка отеля. Лаура сглотнула — она с удовольствием закончила бы разговор, прежде чем он начался, с удовольствием избавила бы себя от всего, что ей предстояло узнать. Порой лучше не знать вообще ничего. Но какое-то чувство говорило ей, что она не сможет дальше прятаться от действительности. Дело уже сдвинулось с места, и уже не в ее силах было все остановить.

— С вами говорят из офиса Петера Симона во Франкфурте, — произнесла Лаура. — Я занимаюсь бухгалтерией и не могу найти подтверждающие бумаги к одному денежному перечислению. Месье Симон был гостем вашего отеля в мае. Вы не могли бы сказать, на какую сумму был его счет?

— Месье Симон... Подождите... — Консьержка, по-видимому, принялась листать какую-то тетрадь. — Вы говорите, в мае? Минуточку, вот... Мадам и месье Симон из Германии.

Уши Лауры внезапно наполнились гулом. Голос женщины из Перужа звучал теперь где-то далеко. Она назвала ей какую-то цифру, но фрау Симон слышала ее словно через какую-то ватную стену и не понимала ни слова. Она опустилась на нижнюю ступеньку и подумала, что сейчас начнет стучать зубами.

— Мадам? Вы еще на проводе? Я смогла вам помочь? — спросила консьержка.

Ее отдаленный голос наконец проник в сознание Лауры. Ей надо было как-то отреагировать.

— Да, большое спасибо. Я только это и хотела узнать. До свидания, — сказала она и оборвала связь.

Из зала послышался голос Элизабет:

— Ты, кстати, привезла мне вчера Софи слишком легко одетой. В октябре так не пойдет.

Снова был кто-то, кто ждал ответа Лауры.

— Да, мамочка, — отозвалась та.

Женщина не знала, как ей подняться со ступеньки. Если попытаться сделать это, у нее, наверное, подкосятся ноги. Надо было подождать с этим звонком до того момента, когда она будет одна. А теперь Лаура не имела ни малейшего понятия, как скрыть свой безграничный ужас. Ее лицо было, наверное, цвета извести.

Мадам и месье Симон.

Оставался вопрос, кто была та женщина, которую Петер выдал за мадам Симон.

А может быть, это вовсе и не важно...

«Какое-то маленькое дрянное увлечение, — подумала Лаура, — дешевое и стереотипное. У него появилась дурацкая любовница, которую он трахает в эксклюзивных отелях и которую регистрирует как свою жену, потому что из своих чересчур мещанских соображений не может позволить себе уединиться в комнате с женщиной с другим именем».

Внезапно ей стало плохо. Она выронила телефон, вскочила, кинулась на кухню, и ее вырвало в раковину. Кожа в одно мгновение покрылась пленкой пота. Лаура дрожала и отплевывалась до тех пор, пока в желудке не осталось ничего, кроме желтоватой слизи.

Неожиданно послышались приближающиеся шаги ее матери.

— Куда ты пропала? — спросила пожилая женщина. — Все еще говоришь по телефону?

Она замерла в дверях кухни, уставившись на свою дочь.

— Тебе плохо?

«А на что это еще похоже?» — рассерженно подумала Лаура, попытавшись в то же время унять свою злость на мать: ведь Элизабет совершенно не была виновата в катастрофическом развале жизни своей дочери.

Фрау Симон выпрямилась, оторвала кусок бумажного полотенца от рулона и промокнула рот. Элизабет заглянула в умывальник.

— Не смывай это водой. Боюсь, тогда забьются трубы. Садись за стол, выпей стакан воды. Я уберу эту...

— Нет, мамочка, я не могу это тебе позволить! — слабо запротестовала Лаура. — Я сейчас сама это сделаю. Я...

Элизабет заставила ее сесть на стул у кухонного стола.

— Ты ничего не будешь делать. Видела бы ты себя! У тебя такой вид, будто ты в любую минуту упадешь в обморок.

Она достала из холодильника воду, налила полный стакан и поставила его перед Лаурой.

— Выпей это. Ну, ты знаешь: когда тошнит, надо все время сплевывать.

С этими словами Элизабет по-деловому принялась убирать рвоту своей дочери кухонной бумагой и относить ее в гостевой туалет, чтобы смыть. Открыв кухонное окно, она побрызгала повсюду освежающим дезодорантом, чтобы устранить резкий запах. Элизабет, как всегда, действовала усердно и со знанием дела. И, как всегда, Лаура при этом почувствовала себя ребенком, совсем маленькой девочкой.

— Мамочка, у Петера любовная связь, — сказала она.

Элизабет на мгновение приостановилась, а затем продолжила свое дело чуточку агрессивнее, чем до этого.

— Откуда ты это знаешь? — спросила она.

— В мае он ночевал в отеле около Лиона. С женщиной, которую выдал за свою жену. Я думаю, тут все очевидно. — Пока Лаура рассказывала, ей опять стало нехорошо, но на этот раз она была уже лучше подготовлена и смогла сдержать рвотные позывы.

Все так ужасно, подумала она.

— И, значит, поэтому ты хочешь сломя голову отправиться на юг Франции, а не потому, что там что-то не в порядке с домом, — сосредоточенно заявила Элизабет. Она всегда становилась особенно деловитой, когда ее что-то затрагивало. — Ты знаешь, где он сейчас? Я имею в виду, что он в таком случае, вероятно, не на паруснике со своим другом?

— Он не на паруснике, да. А где он вместо этого торчит, я без понятия. Я ведь даже не знаю, кто эта женщина, с которой он мне изменяет. Но последнее сообщение о нем исходит из Сен-Сира.

— Это точно?

— Я говорила с хозяином тамошней пиццерии. Петер в субботу вечером там ел. Но затем его следы теряются.

— Ты думаешь, что он вместе с этой... женщиной?

Лаура знала, что все это было трагедией для ее матери, которая тем временем с таким усилием терла раковину, словно хотела разломать ее на части. Элизабет вряд ли сможет справиться с тем, что у ее дочери *неудавшийся брак*. Когда она отойдет от шока, то начнет неустанно искать пути для решения этой проблемы.

— У него трудности, — стала рассказывать фрау Симон. — Трудности финансового порядка. — Это было некоторым преуменьшением, но давать матери более подробные объяснения ей не хотелось. — Я могу предположить, что у него... понимаешь, ну, своего рода реакция короткого замыкания... Может быть, он где-то скрывается.

Однако Элизабет еще никогда не была склонна к приукрашиванию вещей.

— Ты имеешь в виду, что он, возможно, вместе с этой... незнакомкой скрылся где-то за границей, а тебя с вашим ребенком предоставил неизвестному будущему?

К горлу Лауры опять подступила тошнота.

— Я не знаю, мамочка.

— Насколько серьезны его финансовые проблемы?

— Здесь у меня тоже еще нет точного представления. Я только вчера впервые столкнулась с этим. А сегодня я узнала о... его связи. Для меня еще не все нити распутаны.

— В общем, если ты хочешь знать мое мнение, — сказала фрау Брандт, перестав наконец третировать умывальник, — то я сейчас не ездила бы во Францию. Уладь сначала все дела здесь. Возможно, на карту поставлено твое финансовое будущее. Это тебе следует привести в порядок первым делом.

— Для меня сейчас поставлено на карту совершенно другое, — ответила Лаура. — Если все обстоит так, как я предполагаю, то деньги — это последнее, что меня интересует.

Она встала. На этот раз ей удалось дойти до гостевого туалета, где ее снова вырвало. Лицо, которое затем посмотрело на нее из зеркала, висевшего над умывальником, казалось ей чужим.

Словно оно принадлежало другой женщине.

Моник Лафонд уже неделю мучила совесть, и так, что в это понедельничное утро она решила проигнорировать сверлящую боль в области лба, а также то обстоятельство, что у нее все еще держалась повышенная температура. Она была ответственным человеком, и, как правило, даже заболевания не удерживали ее от когда-то принятых заданий. Но на этот раз грипп свалил Моник с невероятной жесточенностью, чего раньше с ней еще никогда не бывало — он быстро оккупировал лобную и носовую части ее головы, вызвав воспаление придаточных пазух носа и сильные затылочные боли. Моник никогда не обращалась к врачу — за тридцать семь лет ее жизни в этом и не было необходимости, — но на этот раз ей ничего другого не оставалось. Врач прописал ей несколько медикаментов и строгий постельный режим.

Поэтому 29 сентября она не пошла, как договаривалась, в дом мадам Раймонд, чтобы

провести там уборку, а потащилась туда только теперь, на неделю с лишним позже, из-за чего чувствовала себя как-то виновато.

В принципе, для мадам Раймонд это никакой роли не играло. Она уехала домой, в Париж, 29 сентября, и приедет сюда, в Сен-Сир, видимо, только к Рождеству. Они с Моник договорились, что та должна будет в день отъезда или днем позже провести в доме генеральную уборку, потом, до конца осени, через каждые две недели проверять, всё ли там в порядке, а незадолго до Рождества красиво все обустроить к приезду хозяйки.

В тот последний субботний день в сентябре Лафонд с самого раннего утра пыталась дозвониться до мадам Раймонд, но постоянно нарывалась на автоответчик. Скрипучим голосом Моник объяснила, что слишком больна для проведения уборки и что возьмется за дело сразу же, как только ей станет лучше. Мадам ей не перезвонила, и это могло означать, что она отправилась в путь с самого рассвета. День спустя Лафонд еще раз позвонила в Париж, но и там попала на автоответчик. И поскольку она не получила больше никаких сообщений, то посчитала, что Раймонд со всем согласна. В целом Моник находила свою работодательницу довольно неприветливой. После стольких лет та могла хотя бы пожелать помощнице быстрого выздоровления.

Было уже почти обеденное время — стрелки часов приближались к двенадцати, — когда Моник почувствовала себя в состоянии наконец отправиться в путь. Она выпила три таблетки аспирина и тем самым немного приглушила боль. Небольшая температура никак не спадала, но женщина решила не обращать на это внимания.

Дачный домик мадам Раймонд был расположен среди полей, которые простирались между центром города Сен-Сир и горными отрогами. Улицы в этих местах были узкими и ухабистыми, их частенько ограждали низкие каменные стены, а на обочинах росли дикие цветы. Маленькие дворики и сказочные домики располагались между виноградными полями, под тенью старых оливковых деревьев. Летом все здесь страдало от изнурительной жары, а если по извилистым улочкам проносились на повышенной скорости машины, за ними вихрем клубилась пыль, плотная, как костная мука. Сегодня же, после вчерашнего дождливого дня, с лужаек испарялась влага. Небо было завешено облаками, а из пары печных труб поднимались тонкие столбики дыма. Ветер дул с востока. Это не предвещало настоящего улучшения погоды.

Моник поехала в дом мадам Раймонд на велосипеде и вскоре поняла, что это было ошибкой. Уже через километр ей стало намного хуже, а когда она свернула на проселочную дорогу, которая в какой-то степени представляла собой подъезд к дому Раймонд, ее головная боль усилилась сумасшедшим образом. К тому же ей казалось, что у нее еще выше поднялась температура. Вероятно, к вечеру она опять будет сильно больна и вновь не сможет пойти на работу. Лафонд была секретарем у одного маклера, а уборкой и уходом за дачными домами подрабатывала, поскольку единственной радостью в ее довольно одинокой жизни были ежегодные поездки во время отпуска в дальние страны. Это стоило больших денег, и ради таких поездок Моник вкалывала даже на выходные дни — или в такие дни, как сегодня, когда она, в общем-то, еще была на больничном. В этом году она побывала в Канаде, а на следующий год хотела съездить в Новую Зеландию.

Въехав во двор, вымощенный булыжниками и засаженный оливковыми деревьями, Лафонд соскочила с велосипеда. «Хоть бы уж никто не забрался в дом, — подумала она, — а то у меня будет масса неприятностей».

Дом стоял мирно и тихо под наливающимся свинцом небом, и нигде не было видно ни

малейших следов взлома.

День был достаточно теплым, но Моник вдруг стало холодно, и она предположила, что это от температуры.

Она открыла входную дверь и тут же отскочила назад от мерзкой вони, которая назойливо хлынула ей навстречу — женщина чуть не задохнулась.

«О боже, — с ужасом подумала она, — что-то здесь гниет!» Мадам, наверное — в надежде, что Моник незамедлительно побеспокоится обо всем, — оставила быстропортящиеся продукты открытыми на кухне. А жара бабьего лета, стоявшая последние недели, сделала свою работу. Лафонд представила себе испорченное мясо, кишевшее личинками и червями, и подумала, что ее дополнительная работа порой просто заслуживает ненависти.

Во всяком случае, теперь ей было ясно, что мадам Раймонд по какой-то причине не получила ее сообщений. Это утешило Моник — значит, молчание работодателя, не поинтересовавшейся ее самочувствием, было связано не с недостатком внимания к ней. Дело было просто в том, что она не получила ее сообщений.

Моник прошла по узкому коридору — вонь там усиливалась, и это чуть не выворачивало ее желудок. Наверное, мусорное ведро переполнено. Еще никогда ей не приходилось чувствовать такой ужасный запах. У нее выступил холодный пот, и на этот раз она не была уверена, что причина этого в гриппе. В вони было что-то глубоко тревожное, в ней словно вибрировало нечто, от чего Лафонд обдавало холодом и волосы у нее на голове вставали дыбом. Ею овладело какое-то чувство инстинктивного ужаса.

«Я просто больна, вот и все», — сказала она себе, но так и не смогла по-настоящему в это поверить.

На кухне тикали часы и жужжала муха, летающая от одной стенки к другой, — и там не было ничего похожего на испорченную грудку мяса. На умывальнике стояла сушилка с чистой посудой, а мусорное ведро было плотно закрыто. В вазочке на подоконнике гнили фрукты, но Моник быстро отбросила вспыхнувшую в первый момент надежду, что именно они были источником странной сладковатой вони. От фруктов шел лишь легкий запах, причем для того, чтобы почуять его, нужно было подойти довольно близко. *Вонь шла вообще не из кухни!* Она шла из задней части дома, оттуда, где располагались спальни.

Желудок Моник судорожно сжался, и внезапно она поняла, что за инстинктивную реакцию сейчас испытывала. Это напоминало крик животных, когда они чуяли скотобойню.

Здесь все дышало смертью.

Разум Лафонд тут же воспротивился этому. Это было абсурдно. Среди бела дня, в провансальском дачном доме, в безмятежной идиллии не могло пахнуть смертью! Как она вообще пахнет? Эту ужасную вонь можно объяснить; должно быть самое простое объяснение, и сейчас она его найдет. Сию минуту. Моник прошла по коридору, открыла стеклянную дверь, которая отделяла спальни от остальных комнат, и вошла в спальню мадам Раймонд. В спальню хозяйки дома, которая лежала там под окном в ночной рубашке, разорванной в клочья. На шее у нее была короткая веревка, из глазниц вываливались вздутые глаза, а изо рта торчал окоченевший черный язык. Подоконник был заляпан чем-то похожим на рвоту. Моник воззрилась на представшую перед ней картину, не веря своим глазам и все еще пытаясь неким абсурдным образом придумать какое-то вразумительное объяснение увиденному.

И тут у нее пронеслось в голове: «Бернадетт!» Она бросилась в соседнюю комнату,

чтобы посмотреть, что с четырехлетней дочкой мадам Раймонд. Малышка лежала в своей детской кроватке. С ребенком обошлись так же, как и с матерью, только девочка, вероятно, спала, когда пришел убийца. Она — надо надеяться — не проснулась до того, как ей начали стягивать горло.

— Мне надо подумать, что надо сделать в первую очередь! — громко произнесла Лафонд. Шок все еще стоял барьером между ней и страшной картиной и не давал ей ни закричать, ни упасть в обморок.

Она покинула комнату, прошла неуверенными шагами на кухню и села на стул. Часы, казалось, тикали теперь еще громче, чем до этого, они буквально гремели; и жужжание мухи тоже все усиливалось, все нарастало с каждой секундой. Моник уставилась на гниющие фрукты — это были яблоки и бананы, которые уже почти полностью превратились в кашу, так что стала видна их коричневатая разложившаяся мякоть. Коричневатое разложившееся мясо...

Тиканье часов и жужжание мухи слились вместе в оглушительный рев. Сила звука до боли давила на уши Моник — она стала невыносимой, проникла ей в голову и ревела так, что казалось, голова у нее вот-вот треснет. Женщина удивилась, что оконные стекла до сих пор не лопнули. Удивилась, что стены не покачнулись. Что мир не обрушился, хотя произошло самое ужасное.

Она начала кричать.

6

Она ни разу не остановилась, чтобы отдохнуть. Рядом с ней на пассажирском сиденье все это время лежала бутылка с минеральной водой, из которой она время от времени пила по глоточку, пока вода не закончилась. Станным образом ей ни разу не захотелось в туалет, и только когда она вышла из машины на Па-д'Уйе, то заметила, что ей срочно нужно облегчиться. Женщина присела за кустиком и отметила при этом, насколько у нее все затекло от долгого сидения; она двигалась, как старуха.

Наконец Лаура подошла к одному из столов для пикника и посмотрела вниз, на тысячи светящихся огоньков в бухте Кассис.

Было около половины одиннадцатого, вечер был прохладным и облачным, а здесь, наверху, дул ветер, от которого становилось зябко. Ей надо надеть куртку, но она все равно собиралась пробыть здесь лишь пару минут. С этого места Петер последний раз позвонил ей. Здесь нить обрывалась. Здесь он два дня назад — неужели всего два дня? — стоял и смотрел на ту же бухту, на то же море, что и она сейчас... Если это было на самом деле так. Если он вообще здесь был. С той поры, как мир Лауры обрушился, едва ли осталось еще хоть что-то, во что она могла верить, но после того, как Анри Жоли подтвердил, что Петер был в «У Надин», многое свидетельствовало в пользу того, что до этого ее муж был на плато. Где-то он должен был остановиться, чтобы позвонить — Петер никогда не говорил по телефону во время езды, — тогда почему бы и не здесь? Во всяком случае, на это место он мог бы заехать почти автоматически. Здесь они каждый раз стояли и наслаждались первым видом, открывающимся на море, если ехали по этой трассе вместе. Интересно, имело ли это для него такое же значение, как и для нее, — этот полюбившийся ритуал, который соблюдали только они двое?

После всего, что произошло, это показалось Лауре сомнительным.

«Если б он меня любил, — подумала она и глубоко вдохнула воздух, который здесь был намного мягче, чем дома, — то у него не было бы этих выходных дней с другой женщиной».

А возможно, этих выходных было множество. Или тайных обеденных часов, если она жила во Франкфурте или часто там бывала. Или командировок... Как долго все это длится? Почему Лаура ничего не замечала? Но в конце концов, ведь мимо нее полностью проходили все его финансовые авантюры.

Лаура призадумалась, вспоминая, как в последнее время у нее обстояло дело с деньгами: большие счета она всегда отдавала Петеру, а он, вероятно, частенько их не оплачивал. Для своих собственных нужд у нее был небольшой счет, на который муж время от времени, весьма нерегулярно, переводил деньги. Уже довольно долго туда ничего не поступало, и активы на счету Лауры существенно сократились, но ее это не волновало, потому что она исходила из того, что ей достаточно будет сказать Петеру одно-единственное слово, и поток денег снова придет в движение. А если б этого не случилось, у нее была еще кредитная карточка на один из счетов Петера, хотя по ней Лаура уже давно не закупалась. Если эта карточка заблокирована, то она этого и не заметила. Как Спящая красавица. Она была настоящей Спящей красавицей. Окруженной розами, в плену у столетнего сна...

За все время после исчезновения Петера Лаура еще ни разу не плакала, и даже в этот момент она не испытывала такого желания, что было для нее весьма необычным. Обычно глаза у нее чуть что, так сразу были на мокром месте, и она быстро начинала плакать по причинам, которые были намного ничтожнее теперешней. И вот она стояла здесь, на том месте, с которым ее связывали самые романтические воспоминания, а ее глаза оставались ясными и сухими. Вблизи от нее страстно целовались в машине двое мужчин, но Лаура едва замечала это. Она словно вела внутренний диалог с человеком, которого, как она считала, знает и который оказался совсем другим.

Здесь ты стоял. Говорил со мной по телефону. Ты сказал, что устал. Неудивительно, подумала я, после такой длительной поездки. Сегодня я знаю, что ты показался мне не уставшим — возможно, это и было то, что вызвало во мне чувство беспокойства и угнетенности. Ты казался скорее напряженным и нервным. Предстоящие гонки на паруснике с Кристофером были чем-то, что обычно делало тебя счастливым, уравновешенным и радостным. Но тогда от тебя не исходило ни малейшей радости. Тебе было плохо. Ты намеревался встретиться со своей любовницей и скрыться с ней, а свои долги и ничего не подозревающую жену просто стряхнуть с себя. Ты стоял здесь и казался себе самому чудовищем и неудачником — и именно таким ты и был и остаешься.

Ей так хотелось, чтобы она смогла почувствовать этот холодный приговор, который только что мысленно произнесла... Но она была еще далека от этого. Ей придется пройти через длинный путь печали, затем через путь, полный ненависти и презрения, и лишь потом — когда-нибудь, возможно — она сможет думать о Петере с хладнокровием и без эмоций.

На этом пути между будущим и настоящим пролегал ад.

...Спустя полчаса Лаура уже открывала дверь в их загородный домик. Это был маленький дом в квартале Колетт, окруженный плавно восходящим склоном, на террасах которого рос виноград. Квартал относился к Ла-Кадьеру, но располагался за его пределами, и отсюда была хорошо видна гора, на которой и стояло само селение, хотя путь туда пешком занял бы все двадцать минут. Колетт располагался немного обособленно, и через него проходила только одна частная дорога. Участки там были большими и ограждались

высокими заборами, большинство жителей имели собак. Несмотря на то что количество взломов на Лазурном Берегу сократилось, люди здесь все же по-прежнему серьезно заботились об охране своей собственности.

Если б Лаура следовала своему внутреннему чувству, она с удовольствием и сразу же поехала бы к Анри и Надин, потому что, насколько ей было известно, «У Надин» было первым местом, где остановился Петер. Но там сегодня выходной день, о чем она вспомнила по дороге, и ей было неудобно в это время появиться в кафе по личным обстоятельствам. Придется потерпеть до завтрашнего утра.

Уже при входе в дом Лаура поняла, что в нем никто не бывал с тех пор, как они с Петером были здесь летом. Повсюду царили тишина и нетронутая пыль. Тем не менее женщина прошла по всем комнатам, чтобы еще раз убедиться в этом, — но то, что она увидела, только подтвердило ее первое впечатление. Кровати не были застланы постельным бельем, на идеально сложенных одеялах и подушках не было ни сгибов, ни вмятин. Здесь точно никто не ночевал. На кухне не нашлось ни грязной чашки, ни использованной тарелки или ложки, в ванной не было взятого из шкафа и использованного полотенца. На столах, стульях и полках виднелась пыль. Петер в дом не входил.

На эту ночь уже не было смысла открывать тяжелые оконные ставни, и фрау Симон так и застыла в забаррикадированных комнатах, вдыхая тяжелый, спертый воздух и стараясь упорядочить свои мысли.

Зачем Петер сюда поехал? Связано это как-то с той женщиной? Откуда ей знать, что она была француженкой? Это может быть и банальная франкфуртская связь, которая завязалась в одном из почасовых гостиничных номеров в районе Рейн-Майн. В то время, когда он не проплачивал ей выходные в Перуже. Пришла ли ей в голову мысль о француженке из-за Перужа? Но, может быть, Петер выбрал это место только из-за того, что был безнадежным франкофилом («В конце концов, *меня* он тоже всегда тащил в эту страну», — подумала Лаура), или потому, что у него действительно были дела в Женеве, но не такие уж обширные, а как раз такие, чтобы оставалось достаточно времени для романтических выходных. Они даже могли вместе выехать из Франкфурта.

Но зачем Петер поехал теперь в Прованс?

Это не обязательно должно быть связано с *ней*, подумала фрау Симон. Может быть, та женщина была просто мимолетным увлечением. Может быть, она никакой роли больше не играет. Может быть, Петер поехал сюда, чтобы еще раз увидеть эту страну, которую он так любил...

[Купить полную версию книги](#)

Имеются в виду горы Таунус близ Франкфурта-на-Майне.